

The book cover features a central illustration of a man and a woman. The man is on the left, shown in profile looking towards the right. The woman is on the right, looking towards the viewer. She has a red horizontal line drawn across her forehead. The background is a textured, abstract composition of yellow, blue, and brown tones, resembling a night sky or a forest scene. The overall style is that of a classic book cover with a focus on character portraits.

Татьяна Луковская

**ТАМ
ЗА ВОРОНОЖСКИМИ
ЛЕСАМИ**

16+

Татьяна Луковская

Там, за Вороножскими лесами

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Луковская Т. В.

Там, за Вороножскими лесами / Т. В. Луковская — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Южная Русь, конец XIII века. Курские дружины бегут по заснеженной степи. На пятки им наступает быстрая татарская конница. Молодой боярин Демьян остается прикрывать отступающее войско, понимая, что погибнет. Но, видно, Богу угодно, чтобы герой остался жив, ведь Демьян еще не встретил свою Зеленоглазую, не добыл князю невесту и не спас затерянную между лесом и степью Вороножскую заставу. Основано на летописной повести «О разорении Курской земли». Дизайн и рисунки на обложке автора.

Содержание

Пролог	6
Глава I. Беглецы	7
1	7
2	9
3	12
4	14
5	17
Глава II. Белая дорога	21
1	21
2	23
4	29
5	31
Глава III. Зеленоглазая	34
1	34
2	37
3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть I. Зима

Пролог

– Опять на башню костровую лазила! – отец сурово сдвинул брови, – Девка на выданье, а по стене крепостной словно коза скачешь. Надо мной уж вся застава потешается.

– Батюшка, да я же ненадолго, только одним глазком на тот берег поглядеть, – девушка виновато улыбнулась, пряча глаза под густыми ресницами.

– Чего ты там не видела?

– Снег новый выпал. Смотри, как сверкает. Красиво! – девица мечтательно посмотрела в оконце бойницы. – А Купава мне на Святки нагадала, что оттуда из-за Вороножа мой суженый приедет.

– Выдрать эту вертихвостку нужно, чтобы глупости не каркала! Упаси Господь! – отец трижды широко перекрестился. – Со степи к нам только горе да смерть приходят. Хорошего с того берега не жди. На полуночи¹ жениха будем искать.

– Так там только дубы да осины. Лес кругом, какие уж женихи? Бортники пронские али лешаки? – дочь презрительно вздернула нос.

– Дура, за этим лесом в стольном Переяславле суженый твой, тетка уж наверно подыскала добра молодца. А лес этот не просто дубы да осины, это броня княжения нашего. Заставы да лес густой – рязанской земле защита. Поняла?

– Поняла, – вздохнула девица. – А суженый мой все равно оттуда приедет, – тихо, чтобы отец не услышал, прошептала она в снежную даль.

¹ Полуночь – север.

Глава I. Беглецы

1

15 декабря 1288 г.

Вот уже двое суток рыльские и липовецкие дружины уходили от погони, упорно продвигаясь на восток по тяжелому, успевшему слежаться январскому снегу. Вой² жмурили глаза от степного солнца, устало терли побелевшие от шального ветерка носы и щеки. Верховые все время норовили оторваться от обоза. Сотники орали, разворачивая их назад.

Лошади из последних сил перебирали ногами, натужно хрипели, отплеываясь пеной. Полозья жалобно скрипели в такт ударам слабеющих копыт.

Первое время беглецы беспрестанно оглядывались на закат, туда, где из-за окаема³ мог появиться стремительный легкий враг. Но постепенно усталость начала притуплять чувство опасности, без сна и отдыха ни люди, ни животные не могли выдержать долго. Короткие остановки только еще больше отнимали силы, каждый раз подниматься на ноги и садиться в седло становилось все труднее и труднее.

– Нужен привал, скоро кони начнутдохнуть, почему не останавливаемся? – ворчали отроки⁴.

– Нельзя, – объясняли бывалые ратники, – небо ясное, метели не жди. Следы на старом снегу хорошо видны. Уж бегут псы по наши души, оторваться надо, а там и передохнем.

И только на закате, когда пала первая лошадь, князья дали добро разбивать стан. Дружины спустились на дно широкой балки, поросшей раскидистым кустарником. Вой кинулись безжалостно ломать тонкие промерзшие ветки, собирать в охапки, торчащие из-под снежной корки сухие стебли трав. И вскоре над оврагом вместе с сизым дымком поплыл домашний запах наваристой каши.

Демьян вскарабкался наверх и встал рядом с дозорным. Он тоскливо смотрел, как огненный шар падает за меловые холмы. Зимнее солнце умирало, заливая все вокруг алой искрящейся кровью.

– Эко-то закат разыгрался, под утро мороз придавит, – самый опытный из воев Демьяна Горшеня приложил к глазам ладонь. – Нам бы вьюга теперь не помешала, – продолжал он рассуждать, – да видать ясно и завтра будет.

Молодой боярин молчал, поглощенный своими горькими мыслями: «Горит как, очам больно смотреть. Может это Бог мне знак подает, что Ольгов мой родной пылает. Городня⁵ занялась, отец среди пожарища с разбитой головой лежит, а я здесь! Бегу как тать⁶ вместо того, чтобы рядом с ним на стену встать, мать да сестер заслонить. Коль погибнут, как жить-то дальше? Землю топтать, а они в той земле уж лежать будут...»

– Да, не переживай ты так, Демьян Олексич, вон на тебе лица нет, – старый вой успокаивающе положил ладонь на плечо боярину. – Все у них хорошо будет, живы-здоровы останутся, – прочитал дозорный горькие мысли своего хозяина. – Не станет Ахматка земли разорять, мы ему нужны, на князей наших злобу затаил, а города жечь ему не с руки. Он магометанин⁷, тор-

² Вой – воин-дружинник.

³ Окаем – горизонт.

⁴ Отрок – младший дружинник.

⁵ Городня – заполненный землей или камнями сруб для крепостных стен.

⁶ Тать – разбойник, вор.

⁷ Магометанин – мусульманин.

говый человек, выгоду свою блюдет. Разоришь посады, ногойцы добычей все себе заберут, а с кого и какой потом выход⁸ брать? А уж откуп Ногаю заплачен, серебро Ахматка свое кровное отдал, чтоб баскаком стать. Чем опять короба набивать, если всех данников татары в полон уведут?

– Правда так думаешь, али меня жалеешь? – в глазах у Демьяна забрезжила надежда.

– Правда, правда, у меня ж там тоже семья осталась. На все воля Божия, уж изменить мы ничего не можем. И себя не кори, ты не хозяин жизни своей, у князя на службе. Князь сказал – едем, так и поехали, а остался бы дома – бесчестие и тебе, и батюшке.

Тревога начала спадать. Горшеня всегда мог найти нужные слова, да и делом выручал не раз. Во всех сечах Демьян мог и не оборачивать головы, у левой руки неизменно, прикрывая плечо и спину, стоял опытный вой.

И отец Горшени, и дед, и прадед, да и другие предки в глубине веков все трудились в Курске гончарами. И Горшене крутить бы гончарный круг, выставя заезжим смердам тонкостенные кувшины на зависть их толстопузым домашним горшкам, но, когда он еще лежал в колыбели, с востока пришел Батый. Старый мир был сметен жестокой степной волной. Дружины местных князей заметно поредели. Воеводы стали зазывать в отроки посадских сынков. И повзрослевший парнишка в тринадцать лет попал в отряд к ольговскому боярину, деду Демьяна. Родовое ремесло обратилось кличкой. Теперь рядом с Горшеней воевал его пятнадцатилетний сын Фролка, которого с первых же дней появления в дружине перекрестили в Горшеньку.

– Отчего сам в дозор встал? Пусть бы молодые постояли, – сочувственно упрекнул воя Демьян.

– Настоятся еще, ночь впереди, – отмахнулся Горшеня.

– Демьян Олексич, каша поспела! Все ждут, без тебя не едят, – к ним карабкался шустрый молодой ратник Нижата, лицо парня было вымазано сажей, видать его черед был кашеварить.

– Иду! – крикнул ему боярин. – Скажу, чтоб тебе сюда подняли, – обратился он к дозорному.

– Благодарствую, – кивнул Горшеня.

Демьян стал спускаться на дно оврага. Стан, еще совсем недавно суетившийся растревоженным муравейником, теперь умиротворенно сидел у костров, часто работая ложками. И только люди Олексича нетерпеливо поглядывали наверх, не притрагиваясь к котлу. Устыдившись, боярин ускорил шаг.

⁸ Выход – дань.

2

Ночь спускалась в овраг, окутывая сонный лагерь плотным кольцом сумрака. Демьян лежал на охапке жесткого хвороста, лениво поворачивая то один, то другой бок к яркому пламени костра. Ему не спалось, он с завистью смотрел на своих ратных, дружно храпевших вокруг. «Нужно заснуть, завтра тяжелый день», – тщечно уговаривал он себя.

Тишину разорвал гневный рокочущий бас Святослава Липовецкого:

– Что значит – зачем напал?! Да ты видел, сколько там добра?! Это ж все наше! Наше!

Демьян с любопытством вскинул голову. У большого княжеского костра разгорался ожесточенный спор. Высокий, широкоплечий Святослав нависал над тщедушным, похожим на взъерошенного воробышка Олегом Рыльским. Маленький князь возражал слегка по-бабьи высоким пронзительным голоском:

– Наше – не наше, какая разница! Теперь что и было наше – все их стало. Чего добился?

– Можно подумать, не напал бы я, так все б по-другому было, один конец – прочь бежать, – Святослав нервно передернул плечами. – Для Ахмата – мы как кость в горле, мешаем ему хозяином в Курской земле стать. Пока он жив – не будет нам покоя.

– Что ж ты на баскака руку хочешь поднять? Беду на нас накличешь, – возмутился Олег. – Нельзя со степью раздор иметь, силы не те, чтобы нос драть.

– Да, вот ты нос не драл, в ножки падал, то к Ногаю, то к царю Телебуге, а конец-то тот же, – в голосе Липовецкого князя звучало злорадство.

– Рано конец мне отмеряешь, я еще поживу, а в ножки к царю не один я падал, вдвоем просить ездили. Али забыл?! – Олега разрывала ярость. – Ведь все почти уладить удалось. Царь послов дал, людей наших из слобод вывели, как и хотели. Ахмат зол был, да не препятствовал, супротив самого царя идти не хотел. А тут ты со своим разбоем ночным, мало тебе показалось! Ахмат к Ногаю сбежал, напраслину на меня возвел, а в чем я виноват? Меня в ту ночь даже рядом не было. Разбойничал ты, а ответ держать мне!

– И я не виноват, что Ахмат тебя приплел, – уже мягче ответил Святослав, и ворчливо добавил, – возы добром нагрузил, еле тащатся, того и гляди татары догонят. Налегке от погони уходить надо.

– Налегке?! – еще больше закипал Олег, – А как к царю с пустыми руками являться? Ты вот, что для Телебуги везешь, или опять выгоду свою моим серебром добывать станешь?

Святослав вдруг расхохотался.

– Вези сам свое серебро. Я к твоему царю на поклон больше не собираюсь. Расходов много, а толку мало.

– Как не собираешься? – опешил Олег.

– А так, не собираюсь, и все тут, – Липовецкий князь явно забавлялся растерянностью рыльского сородника.

– И куда же ты тогда скачешь?

– В лесах Вороножских до весны пережду, а там посмотрим.

– В Вороножских лесах... у рязанцев? – Олег пытался, но не мог скрыть удивления. – Думаешь, рязанские князья обрадуются, что ты по их заставам прячешься?

– Пока они про незваных гостей прознают, так мы уж в обратный путь выедем, – самодовольно усмехнулся Святослав.

До Олега видать стало доходить, что в скором времени он может остаться посреди враждебной степи со своей дружиной без крепких липовецких воев. Его тон из враждебного сразу же стал дружелюбным:

– Послушай, Святослав Андреич, мы ж почти сваты, нам следует вместе держаться. С голоду помрете в тех диких лесах, а Телебуга нас приветливо примет, перезимуем.

– От приветов ордынских шея гудит, как бы без головы не остаться. Не уговаривай, я все решил.

– Как знаешь, – махнул рукой Рыльский князь, жалея уже о том, что проявил слабость и пытался уговорить упряма. Князья разошлись каждый в свою сторону.

Олег направился к семье. Его жена и дети, измученные дорогой, устало расположились у костерка поменьше. Вповалку друг на дружке спали рыльские княжичи семнадцати и пятнадцати лет от роду. Рядом сидела княгиня, красивая статная женщина со смуглым лицом, выдававшим в ней половецкую кровь. Она с нескрываемой ненавистью смотрела в след удаляющемуся Святославу. Было понятно, что во всех бедах мужа, княгиня винила только взбалмошного Липовецкого князя.

Рядом, прижавшись к матери, сидела юная княжна (почти девочка) – круглолицая, с мягкими чертами лица, такая же смугленькая, как и матушка. Глазами затравленного зверька она скользила по спящему войску. На мгновение ее взгляд встретился с любопытными очами Демьяна. Тот не удержался и подмигнул девице, широко улыбнувшись. Княжна быстро отвернулась.

– Что, Робша, на невесту мою глаз положил? – раздался над ухом у Демьяна веселый голос его князя. Александр Ольговский, младший брат Святослава Липовецкого, плюхнулся на хворост рядом с боярином, бесцеремонно толкнув Олексича в бок.

– Невеста? – удивился Демьян.

– А ты не знал? Еще по осени сговорились, если бы не Ногаева рать, уж пред алтарем бы стояли.

– Так она ж дите совсем, – Демьян снова бросил взгляд на молоденькую княжну.

– Вот видишь, что не делает Бог – все к лучшему. К лету подрастет, а там и свадьбу сыграем. Холостым надоело ходить. А и сейчас уж хороша, как думаешь?

– Хороша, – согласился Демьян.

Княжна опять повернулась, но увидев не одну, а две пары горящих глаз, испуганно спряталась за мать.

– Ну, совсем девку за смущали, – усмехнулся князь. – Спать давай, завтра вставать до рассвета.

Александр устало зевнул.

– Мы, что в Воронож едем? – спросил Демьян.

– Сам только узнал, братец со мной не больно-то советуется, – буркнул князь, закрывая глаза.

Александр был не просто князем Демьяна, они были лучшими друзьями. Оба в детстве скромные и тихие, они как-то быстро сошлись. Робша, как прозывали в дружине Демьяна, никогда сам первым в драку не лез, был терпелив. И только если шутки плохо знакомых с ним озорников переплескивались через край, начинал работать кулаками, да так бойко, что насмешники сразу разбежались, опасаясь за свои зубы и ребра. Это долготерпение и сила и привлекали юного князя.

Сам Александр, худощавый и гибкий, но с сильными мужскими руками, в отличие от старшего брата вспыльчивого и буйного, был добродушен и спокоен, редко повышал голос. Его утонченные черты лица выражали то детское простодушие, то юношеский задор, то лукавую хитрость зрелого мужа. Правда иногда, с сожалением для себя, Демьян замечал, что в этом скромном юноше где-то глубоко внутри сидит какой-то другой человек, незнакомый Олексичу. И этот – другой внезапно прорывался наружу, сквозь броню дружелюбия, и тогда на мир смотрело совсем другое лицо, чужое Демьяну, холодное и жесткое. В эти минуты Александр походил на Святослава, и становилось понятно, что кровь действительно не водица.

Демьян уже слышал правым ухом ровное дыхание князя, но к нему дрема упорно не хотела приходиться. Он лег на спину, уставившись на крупные зимние звезды. Над станом уста-

новила тишина, только где-то в отдалении протяжно выл волк, заставляя тревожно фыркать лошадей.

«И Алексашка скоро женится, а я все в холостых хожу. А ведь он на два года младше меня. Двадцать третий год пошел, скоро к девке и подойти стыдно будет, скажет: «Куда это ты старый в женихи лезешь? В бороде седины полно, а туда же – свататься, чай, и помоложе парни есть». А у некоторых моих ровесников уж по трое деток», – Демьян тяжело вздохнул. Ему представилась жарко натопленная горенка, подвешенная к потолку, мерно раскачивающаяся колыбель, в ней крикливое дитя, а рядом она. Кто она, Олексич еще не знал, жена виделась ему неясным расплывчатым пятном, он только чувствовал ее нежность и тепло, или это последний жар дарил догорающий костер. Ольговский боярин медленно погружался в сон.

Но приснилась ему не красавица жена, а отец. Демьян опять, как несколько дней назад врывается на родной двор, бежит в терем, кричит, что нужно собираться, что времени мало. Надо взять все самое необходимое. И опять отец печально качает головой: «Я – тысяцкий, мое место при городе». «Мать и сестер тогда со мной отпусти», – настаивает Демьян, возбужденно размахивая руками. «А если вас в степи нагонят, – отец пронзительно смотрит сыну в глаза, – что тогда? За стенами града надежней, может Бог милует. А ты ступай, ступай, не заставляй князя ждать». Выбегает мать, сестры, обступают Демьяна. Матушка сует калиту⁹ с серебром, суетливо крестит. Сестры подпрыгивают, просят братца нагнуться, чтобы поцеловать в щеку. Прощание скомканное, поспешное. Вот и дом позади, и Ольгов, а дальше только бескрайняя степь...

⁹ Калита – кошель.

3

Затемно тронуться не удалось, замешкались при сборах, хотелось поесть горячего перед дальней дорогой. Когда последние сани вытолкали из оврага, небо из черного стало серым, а на востоке тонкой розовой полосой уже занимался рассвет.

– Ехать надо, чего ждем? – Святослав Липовецкий нетерпеливо вертел в руках повод.

– Надо, так поезжай, – раздраженно буркнул Олег. – У нас все равно теперь дороги разные, а мне дозорных дожидаться нужно.

– Вон они скачут! – крикнул кто-то из воев.

Все поворотились на запад. Из темноты уходящей ночи во весь опор мчались всадники, на ходу, что-то выкрикивая.

– Беда... беда! – наконец долетели слова.

– Татары, – понеслось по дружинам.

Дозорные долетели до противоположного края балки, один из них приставил руку ко рту и громко закричал:

– Скачут по следу, большой отряд!

– Больше нашего? – спросил один из сотников.

– Раза в два.

По лицам побежала тревога.

– Вozy бросайте! – гаркнул Святослав.

Рыльский князь заметался, глядя то на горизонт, то на свое добро. Он уже поднял руку, чтобы отдать какой-то приказ, и тут в ноги ему упала княгиня:

– Нельзя возы бросать! Чего мы у царя с пустыми руками добьемся? Княженье потеряем, изгоями станем! Детям, что передашь? Лучше здесь в степи смерть принять, чем в унижении жить!

Хотя красавица стояла на коленях в просительной позе, тон ее был требовательным и властным.

Олег растерялся еще больше, краем глаза он видел ухмылку на губах Святослава. И тут из рыльской дружины выступил высокий, крепкий муж лет тридцати пяти, с обветренным огрубевшим лицом и тяжелым медвежьим взглядом. Демьян знал его – это был Радим, воргольский сотник Олега, угрюмый и неразговорчивый, но отчаянной храбрости ратник.

– Я останусь прикрывать, трогайте, – уверенным голосом заявил он.

Или Демьяну показалось, или и вправду на красивое лицо рылкой княгини легла тень. Олег же, напротив, приободрился и с вызовом крикнул Святославу:

– А ваши? Кто прикрывать останется?!

Теперь уже Липовецкий князь беспокойно повел очами по своей дружине. Установилась тишина.

– Люди на горе! – взвизгнула молоденькая княжна. Демьян заметил, каким ужасом полон ее взгляд. На вершине мелового холма в утренних сумерках действительно чудилось какое-то движение.

– Я останусь, – неожиданно для себя самого крикнул Олексич. Все обернулись на него.

– Зачем?! – вырвался стон из груди у князя Александра, потом он кинулся к брату. – Мы ольговские останемся, а вы ступайте.

– И Робши довольно, – жестко отрезал брат. – Мне люди нужны. По коням!

Александр подбежал к Демьяну, глаза его заливали слезы, которые он и не пытался вытирать:

– Зачем, зачем ты это сделал? – все повторял он.

– Ну, надо же тебя женить, – пошутил, ворочая пересохшими губами, Демьян, потом наклонился к самому уху князя. – Семейку мою сбереги.

– Сберегу, как сумею, – Александр обнял друга и, не оглядываясь, побежал к коню.

И тут Демьян впервые посмотрел на своих людей, ведь он не только сам оставался умирать, он оставлял на смерть и двадцать воев.

– Простите, кому-то ж надо было, – только и смог он выдавить из себя.

– Все у Бога будем, ремесло у нас такое, за то, Олексич, не переживай, – сказал за всех десятник Первуша.

– Горшенька, Нижата, живо с князем, – приказал Демьян самым молодым отрокам.

Горшеня-меньшой встрепенулся.

– Как с князем? Я тоже помирать хочу! – горячо запротестовал он.

– Мы тоже, хотим, – вторил ему Нижата, но не так уверенно.

– А мы помирать не собираемся, мы биться будем, – одернул сына Горшеня, – а вы за князем вслед, они уж отъехали.

– Я тоже останусь, – заканючил Горшенька у Демьяна, не обращая внимания на отца.

– С князем, я сказал! – гаркнул боярин, вложив в голос всю мощь, на которую был способен.

Горшенька обиженно шмыгнул носом, но больше проситься не стал. Они с Нижатой поехали прочь, беспрестанно оглядываясь.

Горшеня старший благодарно улыбнулся Демьяну.

Оставшиеся стали готовиться к сече.

4

У воргольского сотника на десять человек было больше, чем у Демьяна. Он перекинулся несколькими словами со своими воями и подъехал к ольговским.

– У этого края оборону зайдем, – показал Радим на истоптанный копытами склон оврага, – снизу им не с руки наскакивать будет.

Голос сотника был покровительственным и немного высокомерным.

«Распоряжается, будто главный», – раздраженно подумал Демьян, нахмутив брови.

– Воев за теми кустами поставить следует, – указал он на заросли терновника. – Лошадей от стрел убережем, и сразу, может, не разберут, что нас мало.

Радим удивленно приподнял бровь, взгляд его сразу стал мягче:

– И вправду говорили, что у ольговского тысяцкого сынок толковый. Будь по– твоему, – легко согласился он.

У Демьяна слегка покраснели щеки от приятной похвалы. Напряжение между двумя дружинами сразу спало.

Меж тем небо заметно посветлело, и теперь уже явственно было видно, что по гряде покрытых снегом холмов движется огромный отряд всадников. Черными фигурами они заполнили большую часть восточного окаема. От этого количества у Демьяна предательски перехватило дыхание.

– Экая силища! – покачал головой десятник Первуша. Всякие надежды, что удастся отбиться, растаяли. Смерть дохнула воинам в лицо.

Растянувшись цепью вдоль бровки оврага в тех местах, где его обрамлял густой кустарник, русичи внимательно следили за живым потоком, стекающим на равнину. Демьян подтянул ремни наручей¹⁰. Рядом Горшеня оглаживал рукоять сулицы¹¹. Все было готово.

Ногайцы скакали очень быстро. Заметив всполохи нарождающегося солнышка от шишак¹² русских воев, они стали издавать гикающие звуки, подбадривая атаку. Передние уже скидывали луки. «Вот оно, сейчас!» – ольговский боярин широко втянул ноздрями воздух.

Но когда до противников оставался полет стрелы, раздался пронзительный свист, и несущаяся конница резко остановилась. На другом краю лога образовалась темная стена из щитов и копий. Воин в позолоченном шеломе, выехал вперед. Его тут же обступили кольцом всадники, чтобы шальная курская стрела не задела повелителя. Он что-то, лениво водя рукой, объяснял своим людям. Вскоре от ногайцев отделился переговорщик, медленно спускаясь на дно оврага.

– Чего не нападают? – спросил тощий парнишка Проня, из десятка Горшени.

– Говорить хотят, – ответил старый вой.

– А чего говорить? – удивился Проня. – Их вон сколько, одними копытами затопчут.

– Зачем губить своих людей зря, мы ведь с собой на тот свет много прихватить сможем. Толковать станут, вдруг без сечи сдадимся.

– Как же сдадимся! – ухмыльнулся молодой вой.

– Сдаваться не станем, а переговаривать будем, – ответил за Горшеню Демьян, – нам время тянуть надо, чтобы наши отъехать подальше смогли.

Переговорщик достиг низины, его конь бил копытами по остывшим головешкам княжеского костра, вверх поднималось облако серой золы. Это был грузный муж, славянской внешности с густой каштановой бородой в круг лица, обряженный в добротную татарскую броню¹³.

¹⁰ Наручи – металлические пластины, защищающие предплечья.

¹¹ Сулица – метательное копье.

¹² Шишак – шлем.

¹³ Броня – доспехи, кольчуга.

– Эй, куряне! Потолковать нужно! Князьям скажите, пусть спустят кого из бояр! – заорал он с черниговским выговором.

Демьян подъехал к Радиму.

– Не поняли еще, что князей про меж нас нет. Что делать будем?

– Я вниз спущусь, – воргольский сотник натянул поводья, – узнаю, чего хотят. Ежели меня порешат, – он поворотился к своим, – Олексича слушайтесь.

– Твоих больше, да и на рать ты искусней меня, дольше протяните, я пойду, – предложил Демьян. Спорить было некогда, Радим согласно мотнул головой.

Ольговский боярин начал медленно спускаться, объезжая на своем мохнатом приземистом жеребце заросли дерезы. С замиранием сердца в спину ему смотрели пятьдесят пар глаз. Демьян чувствовал их волнение кожей даже через плотные кольца брони и теплый кожух¹⁴.

Когда он поравнялся с черниговским здоровяком, тот подбоченясь весело крикнул:

– Не быстр ты, боярин! Не бойся, пока не обидим.

– Мне спешить некуда, да и бояться уж нечего, – спокойно ответил Демьян, – О чем толковать станем?

– Князьям передай, царь Ногай в гости их дожидается, так истосковался, что вон провожатых прислал, – черниговский расхохотался своей шутке.

– Ну, может вам Ногай и царь, а у нас Телебуга в царях ходит, уж вперед вас в гости звал, к нему и едем. Так, что темнику твоему подождать придется.

– Как по суставам тебя резать начнут, боярин, так и меня царем признаешь, – черниговский опять задорно рассмеялся.

– Что ж ты, как в степь из дома уезжал, крест снял? – Демьян зло сверкнул глазами.

– Отчего ж снял, вот он на мне, – здоровяк вытянул шнурок, на котором покачивалось почерневшее серебряное распятие.

– Почаще доставай, может про Бога вспомнишь, – презрительно проронил Демьян.

– А вы как ночью в Ахматову слободу лезли людей резать, видать тоже Бога беспрестанно вспоминали? – рассердился черниговский.

– То честный бой был! – Демьян почувствовал, как к щекам приливает кровь.

– Ночью? Знаешь, что, сынок, мы тут все замазаны, всем кресты грудь жгут. Время нынче такое, – черниговский вой бережно убрал за пазуху распятие. – Не отбиться вам, сам видишь. Добром сдавайтесь, жизнь сохраните, грехи успеете замолить.

Демьян беспокойно обернулся на своих.

– То не мне решать, князья пусть думают, сдаваться али нет.

– А есть ли там, кому решать? – переговорщик хитро прищурился, проследив взгляд ольговского боярина. – Сдается мне, они уж по льду Донца копытами стучат.

Демьян угрюмо молчал.

– Так что? Помирать будете, али сдаваться?

– Помирать, – выдохнул молодой боярин.

– Жаль, ну, как знаете, – развел руками здоровяк.

– В спину стрельнете? – спросил Демьян, разворачивая жеребца.

– А кто ж их знает, – повернул голову переговорщик уже в сторону своих.

Ольговский боярин начал подниматься назад на восточный склон.

– Эй, Демьянка, ты ли?! – услышал он знакомый звонкий голос. Демьян резко развернулся.

Воин в блестящем шлеме спускался в овраг.

– Я, Айдар! – взволнованно ответил Олексич. – Признал?

– По коню признал? Жив еще мой подарочек?

¹⁴ Кожух – верхняя одежда.

- Берегу, добрый конь, – Демьян ласково погладил мохнатую шею.
- Как назвал?
- Ветерок.
- Хорошее имя.

Всадник снял позолоченный шишак, морозный ветер кинулся играть с черными как смоль волосами. Демьян тоже скинул шлем в знак мира. Они подъехали друг к другу и обнялись.

- Что, брат, погибать за князя велели? – в карих глазах плясали насмешливые огоньки.
 - Сам вызвался.
 - Бог твой милостив к тебе. Воздай ему хвалу, поживешь еще.
- Демьян перекрестился.

– Что ж вы биться с нами не станете? – напрягся он. – Мы вас к нашим князьям не пропустим, уж не обессудь.

Молодое красивое лицо степного воина бороздил старый глубокий шрам, рассекая лоб, переносицу и левую щеку.

- Видишь, – сказал Айдар, сдвигая брови, – память угорская со мной всегда.

Он крикнул одного из своих нукеров¹⁵. Тот спешно подъехал, почтительно кланяясь. Они оживленно заговорили.

Демьян плохо говорил на степных языках, но смысл уловить мог. Айдар приказал разбивать лагерь в овраге, заявив, что рыльские и липовецкие дружины ушли в ночь, и догнать их уже невозможно. Воин мягко, но настойчиво доказывал, кивая в сторону Демьяна, что русичи лгут, следы от полозьев свежие, далеко ускакать курские князья не могли. Айдар гневно одернул нукера: «Делай, как велю!». Воин сразу прекратил пререкания и с поклоном отъехал.

- Попадет тебе из-за меня, – растерянно проговорил Демьян.

– Отец рать на вас привел, обойдется, – беспечно махнул побратим. – Погостишь у меня, спешить тебе уж не к чему?

- Прошлый раз как загостился, без невесты остался, – усмехнулся Олексич.
- Как это?

– Решили, раз долго из степи не возвращаюсь, значит – убит, а невесте уж семнадцать было. Родня побоялась, что перестаркой станет, так за другого спешно и выдали.

Побратим задорно расхохотался.

- Ох, Демьянка, да как я рад повидаться с тобой!

¹⁵ Нукер – воин-дружинник.

5

Демьян стал побратимом степного батыра пять лет назад. Ногай собрал в тот год большую рать, чтобы идти на угров. Европейские земли манили беклярбека. Зорко единственным глазом хитрый правитель следил за политическими интригами восточноевропейских монархов, чтобы в удобный момент нанести удар. И этот момент настал, затравленный своими магнатами, с детства измученный клановой рознью, венгерский король Ласло IV стремительно терял власть и интерес к жизни. Половец по матери, он откочевал с куманами¹⁶ на вольные степные просторы, оставив столицу и государственные дела. Ногай решил действовать, в поход он сманил ордынского хана Туда-Менгу. Над Венгрией сгущались тучи.

Огромная многоязычная армия просочилась через Карпатские перевалы, быстро продвигаясь к Пешту. В спину венгерскому королю понеслись обвинения в предательстве, что это он якобы из мести магнатам навел ордынцев. Ласло, очнувшись, бросился собирать войска, показывая готовность защищать страну. Магьярские кланы, временно забыв раздоры, выступили против восточной рати. Закипела великая битва.

В бою русичи держались отдельно от «поганых», прикрывая только друг друга. Так же вели себя и иные народы. Вроде бы войско единое, а глянешь, каждый сам по себе. С ненавистью и презрением кидают взгляды соседние полки: кипчаки на болгар, болгары на алан, аланы на черкесов. Да, и у самих славян не было единства: галицкие драли нос пред брянскими, брянские перед курянами. Зажмут в бою недруги, помощь может и не прийти. Всяк сам вертись.

Семнадцатилетний Демьян это знал, и все же когда увидел, совсем юного татарина, сбитого с коня в окружении врагов, не смог проехать мимо. Молодой нукер не в золоченом (как сейчас), а в самом простом доспехе отчаянно отбивался от трех всадников, круживших над ним как стая ворон. Удар клинка снес с него шишак и рассек лицо. Кровь, густо струившаяся из раны, заливала правый глаз. И все же худенький и верткий мальчишка продолжал уворачиваться от сыпавшихся на него ударов. Видевший глаз блестел лихорадочным светом.

Демьян ринулся на помощь, не раздумывая. Он не был еще опытен в бою, да и рука не так крепка как у бывалых ратников, но Олексич как будто заразился безудержной отвагой от раненого воя. Подскочив к сражавшимся, он заслонил, теряющего вместе с кровью силы, нукера и принял удары угорских мечей. Магьяры легко разделались бы с юнцом, но тут на помощь уже ему подоспел вездесущий Горшениа. Вместе они зарубили двоих угорских воев, а третьего обратили в бегство. Подъехавший вскоре татарин забрал раненого мальчишку в седло, унося прочь от кипевшей еще сечи.

Взять Пешт ордынцам не удалось, опустошив его окрестности, восточные рати двинулись в обратный путь. Но Демьян домой с курскими полками не вернулся. На взволнованные расспросы родителей дружинники лишь разводили руками: пришли люди от какого-то Ногаева князя, сказали – князь желает видеть Демьяна. Хотели заслонить боярина, дабы не выдать поганым, да он сам вышел, чтобы кровь не проливать, и с татарами ускакал. Ждали несколько дней, пытались искать, сам княжич Александр по стану ордынскому бродил, да так ничего и не узнал. Решили, что, видать, в живых его уж нет. Мать и сестры безудержно рыдали, отец Олекса Гаврилыч за ночь поседел. Родня советовала заупокойную по сыну заказать, но Евдокия Тимофевна запретила: «А вдруг жив Демьянушка наш?» – и упорно ходила в церковь ставить свечки за здравие.

И Демьян вернулся через два месяца живым и здоровым, и даже прибавившим в весе на мохнатом степном жеребце в сопровождении нукеров. Родители то душили сына в жарких объятьях, то накидывались бранить, что весточку не подал.

¹⁶ Куманы – половцы.

Набившейся в горницу родне и соседям Демьян смущенно в десятый раз пересказывал, что татарский отрок, спасенный им на поле боя, оказался сыном нойона Темира, родственника самого Ногая. Что мальчишка, придя в себя, попросил разыскать русского воя, отбившего его у угров. Ордынский князь был с Демьяном ласков, пригласил погостить, пока сын поправится. И Олексич все это время жил в юрте у Айдара, так звали молодого княжича. Новому побратиму татарин подарил своего лучшего жеребца, а Демьян отдал дедовский меч. За меч отец очень бранился, мол: «Ты ему жизнь спас, а он тебе коня, да и в расчете. Зачем меч было дарить, деда память?» Мать, глядя сына как маленького по густым русым волосам, заступалась: «Пусть долг за княжичем степным останется. Меча не жалей, голову жалеть надобно».

Теперь сидя в юрте на мягких овчинах и протягивая пальцы к ласковому огню, Демьян вспомнил матушкины слова и мысленно улыбнулся ее прозорливости.

Ногайцы скоро разбили стан на том месте, где еще недавно дымились русские костры. Как по волшебству возникли войлочные шатры, хотя при войске Демьян не заметил ни саней, ни волокуш.

В юрте было тепло, но не душно. От большого еще дымящегося куска мяса ножи отрезали сочные ломти, на языке приятно оседал бараний жир, чаша с дорогим греческим вином ходила по кругу. Хмель быстро расслабил тела и развязал языки. Вначале, вспоминая бывшее, без умолку болтали только Демьян с Айдаром, а воргольский сотник, оборотившись к костру, угрюмо молчал, но, отпив из братины в третий раз, и Радим кинулся припоминать угорский поход, в котором тоже участвовал. Постоявшим на пороге смерти, хотелось расслабиться, и не думать о плохом, о том, что вот сейчас, возможно, собратья этих степных воинов, мирно сидящих у костров, разоряют твою землю. Вино отгоняло тревогу.

Демьяна развезло, и он осмелился спросить у воргольского боярина то, что никогда не решился бы на трезвую голову:

– А ты остался ради княгини?

Радим сначала нахмурился, потом хитро прищурился и ответил вопросом на вопрос:

– А ты, видать, из-за молодой княжны?

Оба расхохотались, вопросы остались без ответов.

– Что ж ты, Демьянка, женился? Детки есть? – участливо спросил Айдар.

– Нет, холост я, – насупился теперь Олексич, почувствовав на себе, как неприятно, когда дергают за потаенное.

– Что ж так? – удивленно поднял рассеченную бровь татарин. – Неужто невеста, что за другого отдали, так по сердцу была?

– Я ее даже не помню, – буркнул Демьян.

– Так, что ж не женишься? Не гоже в таких годах холостым ходить, – Айдар, лукаво улыбаясь, покачал головой. – Вот мне моя Айсылу трех девок народила да в родах по осени померла, грустил, конечно, только без жены никак нельзя. Так бабка мне уже невесту ищет, приеду, женюсь. Пусть новая батыров нарожает. Отчего тебе родня новую невесту не сыскала?

– Видать в Ольгове девки красные перевелись, – присоединился к допросу Радим, отыгрываясь за рыльскую княгиню.

– Так к нам в степь приезжай, я бабке скажу, – продолжал наступать побратим, – она и тебе найдет.

– Не перевелись у нас девки, просто так получилось, – вздохнул Демьян и отхлебнул побольше из братины. – Нашли мне другую, свадьбу назначили, а она расхворалась. Ждали, что поправится, не хотели родителей ее печалить, им и так тяжело было. И вроде она на поправку пошла, на крыльцо уж выходить стала, думали, Бог милует, а прошлым летом все ж померла.

– Эх, Демьянка, да разве-ж на больных женятся, они и родить не смогут. Чего ждать-то было? – удивился Айдар.

Демьян пожалел, что чаша уже в руках у Радима, и нельзя хлебнуть еще.

– По сердцу она мне была, мать не слушал. Матушка тоже твердила – другую взять. А по этой весне уж третью мне сыскали, сватов хотели засылать, да тут все завертелось, не до свадьбы было.

– Женись, Демьянка, женись, это доброе дело, – они с воргольским сотником подмигнули друг другу и задорно захохотали.

– Ну, хватит надо мной потешаться, – проворчал Олексич, – что и поговорить больше не о чем?

– Поговорить есть о чем, – посерьезнел Айдар. – Недоброе дело ваши князя затеяли.

Лица курских бояр сразу помрачнели.

– Недоброе, – повторил татарин. – Зачем к Тула-Бука¹⁷ с поклоном ездили?

– А куда же еще за правдой идти? – жестко ответил воргольский сотник.

– К нему за правдой? – Айдар усмехнулся. – Он добра не помнит, злобен да завистлив.

Привечает вас, пока нужно Ногаю досадить, а замирятся, так ваши головы ему и выдаст. Меж двух жерновов вы оказались.

– А твой царь не таков? – прикрыл правый глаз Радим.

– Мой преданность чтит, да и силы у него побольше будет. Ханы в Сарае приходят и уходят, а Ногай всегда здесь, под боком у вас. Сейчас у них с Тула-Бука ссора из-за ляшского похода. Может, слышали?

– Как не слышать, темник твой царя в ловушку заманил, чуть все войско не замерзло, – Радим смело глянул на татарина.

– Глупость его и упрямство в ловушку заманили, а Ногай здесь ни при чем! – вскипел Айдар. – Хан наш говорил ему, что южными степями домой нужно возвращаться, где снега поменьше и мороз не так суров, а Тула-Бука ваш уперся напрямик идти, путь сократить хотел.

– Или боялся, что Ногай его в свои земли для расправы заманивает, – не уступал Радим.

– И чего добился? Заплутали, обморозились, полон¹⁸ загубили и сами чуть не померли, а Ногай виноват.

Демьян не вмешивался в спор. Он знал хорошо эту историю, и в глубине души был согласен с Айдаром, но и выступать открыто против своего курского земляка не хотел. Куряне в походе на Краков не участвовали, но наслышаны были. Войскам Ногаю сопутствовала удача, они захватили большой полон и с богатой добычей вернулись домой. А вот над Телебугой висел злой рок, он не сумел взять Сандомир, ограничившись разграблением окрестностей. На обратном пути его войско попало в снежную бурю, сбилось с дороги и чуть не погибло, все пленники замерзли, добычу пришлось бросить. Телебуга в неудачах обвинил Ногаю, мол, это он неправильно путь подсказал. Темник огрызнулся, что это хан его плохо слушал и сам сбился с дороги. Раздором между бывшими союзниками и решили воспользоваться курские князя, обратившись за покровительством к Телебуге. И тот их радостно принял, понимая, как сбесится Ногай.

Олексич считал, что надо всегда думать своей головой, и в бедах сарайского царя ни к чему виновного искать на стороне.

– Ладно, что спорить о пустом, изменить уж ничего нельзя, – махнул рукой воргольский сотник. – Спасибо за хлеб соль, пойду я к своим спать.

Он встал, вопросительно глядя на Демьяна.

– Я еще посижу, сон пока не идет, – ответил на его взгляд Олексич, ему хотелось поговорить с Айдаром с глазу на глаз.

Радим ушел.

– Горяч боярин, – вслед ему сказал татарский княжич.

¹⁷ Тула-Бука – настоящее имя ордынского хана, Телебуга – русское прозвище.

¹⁸ Полон – пленные.

– Послушай, Айдар, – Демьян замылся, – я и так теперь пред тобой в долгу, да у меня еще одна просьба есть.

– Говори, – расслабленно потягиваясь, промурлыкал побратим.

– Родители у меня в Ольгове остались да сестры. Младшей Дуняше и осьми нет, а старшая Улюшка уж на выданье, невеста совсем. Боюсь я за них. Сможешь, защити.

– Сделаю, что смогу, – вздохнул Айдар.

«Как сумею», – вспомнился Демьяну ответ князя Александра, друзья не могли дать твердого ответа. И от этого становилось зябко у жаркого костра.

– Они уж там два дня хозяйничают, пока вернусь, еще два дня пройдет. Отец во всем Ахмата слушает, а тот мести жаждет, – но видя, как побелело лицо Демьяна, Айдар поспешил добавить. – Да и я слово пред отцом имею, не пропадем.

Повисла тишина. Оба сидели, погрузив взгляды в беззаботное пламя.

– Ты, Демьянка, бросай своих непутевых князей, переходи ко мне, – неожиданно добавил Айдар. – Видел, у меня много русичей служит, никого не обижаю.

– Не могу, где князь, там и я, не по чести бросать, – ответил Демьян.

– Знал, что так скажешь, а долга у тебя предо мной нет. Видишь все это? – Айдар обвел рукой богатую походную юрту, и погладил, лежавший рядом, позолоченный шлем. – Все это благодаря тебе.

Демьян непонимающе моргнул.

Айдар понизил голос.

– Я ведь сын наложницы, рабыни. Мать болгарка. Отец ее толи купил, толи в полоне выбрал. Привечал, подарки дарил. Меня родила, а вскоре померла. Да тут про сына рабыни все и позабыли, законные сыновья есть. А таких, как я у него много по степи бегают. Темир до женской красоты охоч. Меня нянька – рабыня из-под Чернигова воспитала. От того я по вашему баю.

– А я все думал, откуда ты речь нашу так хорошо знаешь, – подивился Демьян.

– Да, вот теперь земляков няньки в дружину набрал. Время пришло воином становиться, а у меня ни коня, ни доспеха нет. Сижу плачу, а к отцу пойти попросить не могу. Он мимо проходит, так даже взгляд на меня не кидает, вроде, как и нет меня. Нянька и подсказала: «Ты к бабке, матери господина, сходи. Может, пожалует». Я набрался храбрости и пошел. Она меня приняла очень холодно, разглядывала да все молчала. Потом сказала: «Ступай». Я и побрел, слезами давиться. А наутро к юрте старый нукер привел хорошего коня, а на седле броня приторочена и сабля. «Госпожа велела передать, что ты на сына ее похож», – и ушел. И решил я в бою себя показать, чтобы отец заметил храбрость мою. Лез везде, в самую гущу. Так ты на меня и набрел. А как привезли меня израненного, Темиру стали наперебой рассказывать, как его нукер против угров отбивался. А он и спросил: «А кто этот благословенный Тенгри¹⁹ отец, что дал жизнь такому доблестному нукеру?» «Ты, господин». Вот тогда он меня и приметил. Теперь сам видишь. По-другому все.

Побратимы снова замолчали.

– А княжна тебе и вправду приглянулась, – вдруг подмигнул Айдар Демьяну.

– Опять ты за свое, – надулся Олексич, – мала еще, чтобы такому переростку как я нравиться, да и невеста она князя моего. Мне чужого не надобно.

– А что ж злишься? – хмыкнул побратим.

– Ничего я не злюсь, спать уж пора.

¹⁹ Тенгри – божество Вечного Синего Неба.

Глава II. Белая дорога

1

Простились на рассвете. Ногайцы развернули коней, возвращаясь на запад, русичи поскакали на восток.

Достигнув вершины одного из меловых холмов (которые, курыне громко называли горами), отряды ольговцев и воргольцев решили расстаться, у каждого теперь белая дорога была своей.

– Может с нами? – предложил Радим. – Заплутаете в лесах Вороножских, как царь в Карпатах.

– Нет, своих поищем, не пропадем, – уверенно сказал Демьян.

– Спасибо, – с неожиданной сердечностью в голосе произнес воргольский сотник.

– За что? – не понял Олексич.

– Что живы пока, даст Бог увидимся.

Они обнялись на прощанье. Дальше ольговцы пробирались сквозь снежную степь в одиночестве.

На третий день пути заметно потеплело, снег размяк и стал липнуть к копытам. Небо заволокла серая дымка, порывами налетал сырой южный ветер.

– Вот и метель идет, когда уж не надобно, – уныло посмотрел на полдень Горшеня. – Что ж ты, матушка, запаздываешь? Три дня тебя звали, аукали, а ты не торопилась, прихорашивалась, видать.

Вьюга как будто услышала насмешку и, обидевшись, поспешила вступить в свои права. Робкие снежинки сменились густыми хлопьями тяжелого мокрого снега. Он щедро обсыпал сгорбленные фигуры, набивался в бороды, залеплял глаза. Вскоре степные дали исчезли, одинокий отряд окружила плотная белая пелена.

– Место поукромней надо сыскать, переждать, пока стихнет, – Демьян беспокойно вертел головой, пытаясь угадать, где восток. Возникла угроза сбиться с пути.

– Да разве ж его найдешь поукромней в круговерти этой! – перекрикивая вьюгу, откликнулся Первуша.

– Восход, восход надо определить, ехать куда! – пробасил Горшеня, стряхивая с бороды рой навязчивых снежинок. – На восход пробираться до оврага али холма, где укрыться можно, а так заплутаем, потом назад воротиться трудно будет!

– Да как узнать, где он твой восход?! Ни земли, ни неба не видно! – Первуша прикрыл ладонью лицо. – И так уж заблудились. Ехать надо, куда глаза глядят, до первого лесочка или овражка, а там метель стихнет, так и разбираться станем, где там восход, а где закат.

Время словно остановилось, теперь нельзя было понять – день еще или уже вечер. Демьяну стало казаться, что отряд бродит по кругу. Он растерянно всматривался в торчащий из-под сугроба корявый куст, причудливо изогнутые ветви показались знакомыми. «Неужто, мы здесь были?» – кольнуло беспокойство.

– Этак мы к Чернигову выйдем или к брянцам в гости, – пошутил кто-то из воев.

– Ветер поутру с юга дул, в правое плечо бил! – вдруг вспомнил Демьян, – Значит на перерез ему поедет, там и восход.

– А если поменялся? – засомневался Горшеня, – Давно дует.

– На все воля Божия, а по-другому никак. Туда, – махнул рукой боярин, понукая Ветерка. Мохнатый конек резво кинулся топтать высокие сугробы, ему ни метель, ни рыхлый снег были ничем. А вот вторая лошадь Демьяна Зарянка добротной курской породы понуро плелась

позади, даже без седока она выбилась из сил, а ведь вскоре надо будет дать отдых татарскому коню и пересесть на нее. В Липовце за быструю как ветер кобылицу Демьяну предлагали хорошую цену, он мог бы купить еще одного мохнатого степняка, но рассудил, что без стремительной лошади в бою будет неловко. Теперь Олексич беспрестанно оглядывался на задыхающееся животное, гадая, сколько Зарянка еще сможет пройти.

Меж тем вьюга все капризничала и озорничала, не желая выпускать из своей власти путников. Подходящее место для привала никак не находилось, овраги сильно занесло снегом, а лесок не попадался, отдельно стоящие раскидистые деревья не могли защитить от липких хлопьев. Заметно стало темнеть, близилась ночь.

– До первого деревца доедем, и останавливаться нужно, – предложил Горшеня. – Снег лепится, накатаем шаров, да стену выстроим, за ней и переночуем, а дерево на дрова поломаем.

– Люди еле в седле держатся, а ты им предлагаешь полночи снеговиков катать, – опять начал возражать Первуша. Тридцатилетний сотник считал себя уже очень опытным воем, он редко соглашался со вторым десятником, завидуя, что боярин всегда прислушивается к Горшене.

– Покатают, ничего с ними не случится, – беззлобно отмахнулся старый вой.

– Еще не так темно, проедем вперед, так, может, лес встретим али щель в горе, – настаивал Первуша.

Но и сейчас, к его досаде, Демьян признал правоту Горшени, и дал приказ выискивать дерево или куст погуще.

К боярину подлетел отрок по имени Осип Вьюн, ехавший чуть впереди в дозоре.

– Там на холме стоит кто-то... человек какой-то, – сообщил он, показывая рукой в непроглядную мглу.

– Конный? Пеший? Один? – задал сразу несколько вопросов Демьян, щури глаза и пытается хоть что-то рассмотреть.

– Один и вроде пеший, я близко не стал подъезжать, чтоб не приметил.

– Кому это надо пешим в такую метель бродить? – удивился Первуша, быстро крестясь.

Вслед за ним начали осенять себя распятьем и остальные.

– Не иначе оборотень, – опавшим голосом проговорил Проня, – помните, давеча волки выли. Они говорят в метель да от Божьего храма вдали как раз...

– Ну, поехали посмотрим, что там за оборотень, – насмешливо бросил Демьян, уверенным тоном пресекая басню²⁰ ратника. – Здесь стойте, мы с Вьюном разведем.

– Демьян Олексич, может, обождешь? Мы сами съездим, – предложил Первуша.

Демьян, ничего не ответив, отвязал повод кобылицы от седла Ветерка.

– Пригляди, – передал он Зарянку Горшене, и скрылся в снежной пелене. За ним следом поспешил и Вьюн. Остальные, притихнув, стали ждать.

²⁰ Басня – здесь в значении сказки.

2

Отец приучил Демьяна – хочешь, чтобы люди тебя уважали и на смерть за тобой шли, не прячась за чужими спинами. И юный боярин батюшкин урок усвоил. Вот и сейчас, грудью раздвигая вьюгу, Олексич ехал взглянуть своими глазами на возможную угрозу.

– Где? – коротко спросил он.

– Вон там, на холме, – указал Вьюн.

Сквозь сгущающийся мрак белело подножие кургана, его вершину уже скрывала темнота. Разведчики решили подъехать с подветренной стороны, если у невидимого отряда есть собаки, то они не должны почуять чужой запах. По левую руку вдруг открылся густой лес, уходящий черной широкой полосой в расщелину оврага. Вот он и ночлег! Но без разведки соваться сюда нельзя, можно оказаться в западне.

– Слушай, Осип, а был ли там дозорный? Может тебе почудилось, вон Проньке везде то оборотни, то упыри мерещатся.

– Точно был, – Вьюн порывисто перекрестился, подтверждая свою правоту, – стоял как вкопанный. Ветрище какой, а он и не шелохнется.

– Спешимся да ползком подкрадемся.

Демьян спрыгнул с коня.

– Ждать, – приказал он Ветерку, и мохнатый послушно мотнул головой. Держась друг от друга в двух шагах, боярин и вой начали карабкаться наверх, по-змеиному прижимаясь к заснеженной земле. Демьян зажал в десной²¹ руке острый охотничий нож, им удобней, чем мечом наносить резкий и точный удар. Все было готово, если понадобится, к броску.

И вот она появилась... черная тень на самой вершине. Высокий, плотно сшитый человек стоял неподвижно, бросая вызов разгулявшейся метели. Демьян невольно залюбовался богатырской силой. Смог бы он сам вот так прямо стоять, не сгибаясь под порывами могучего ветра?

Кто же этот дозорный, и что делает посреди степи? Где его спутники? Сколько они с Вьюном не крутили головами, сколько не прислушивались, уловить присутствие других людей им не удалось. Демьян ползком продвинулся еще на сажень, и вдруг, выпрямившись во весь рост, громко захохотал. Осип с немим удивлением уставился на боярина.

– Оська, это ж баба половецкая²²!

Вьюн взгляделся в очертания фигуры и тоже рассмеялся.

– А я-то все гадал, как можно так долго не шелохнувшись стоять! – радостно заметил он.

Каменные истуканы с детства были знакомы каждому курянину, ими было усеяно все степное и лесостепное пространство. Для половцев бабы служили предметом поклонения, для христиан – дорожными ориентирами. Православные не трогали чужих кумиров, брезгливо объезжая их стороной. Демьян знал всех курских баб, и часто, сбившись с пути, с их помощью находил нужное направление. Половецкие идолы всегда смотрели на восток, обращая плоские, обветренные лица к нарождающемуся солнышку.

Вплотную подойдя к каменному изваянию, Олексич в уже довольно густой темноте с трудом смог определить, где у бабы лицо.

– Вон он восход, – показал Демьян. – Эх, чуть промахнулись, завтра придется слегка на полуночь²³ завернуть.

²¹ Десная – правая.

²² Половецкая баба – каменное изваяние, идол, посвященный культу предков, устанавливался половцами на естественных возвышенностях или курганах. Слово «баба», происходит от тюркского «балбал», что означает «предок».

²³ Полуночь – север.

Когда они добрались до своих, метель стала стихать. Вьюн захлеб стал рассказывать, как они чуть не завалили идолище:

– Вот бы кинулись его под ноги подбивать, так без боков бы остались!

– Эх, ты, дозорный, живого от каменного не можешь отличить, – под общий хохот пожурил воя Первуша.

– Так не видно ж ничего, – развел руками Осип.

– Это ему духи поганых взгляд отвели, – заметил Проня. – Надо было молитву Николаю Угоднику прочесть, он в дороге бережет, так пелена бы сразу спала. А еще разрыв-трава помогает, ее упыри боятся, кинул перед собой, да вперед иди, а еще чертополох, это первое дело...

– Опять ты за свое, – сердито одернул его десятник, – Святого с ворожкой в кучу мешаешь. Вот я тебе, – и он показал Проньке кулак.

– А что я, я ж так...

Проню любили слушать вечерами у костерка, его байки всегда были самые страшные, но сегодня все так устали, что было не до побасенок. Дойдя до примеченного леска, путники быстро организовали ночлег, пожевали скудные запасы, и повалились спать. И только Демьян опять долго ворочался, подкладывая под голову то одну, то другую руку, даже усталость не могла усыпить его растревоженную душу.

Утро встретило отряд ярким солнышком и искрящимися от мороза сугробами, будто и не было вчера вьюги. Все дышало умиротворяющим спокойствием, тишина резала ухо.

Запасов овса в притороченных к седлам торбах оставалось совсем немного. Вой осторожно по горсточке с рук стали кормить оголодавших лошадок. Демьян раскрыл ладони для более слабой Зарянки, поглаживая кобылу по спутанной гриве:

– Терпи, родная, терпи, – приговаривал он.

Лошадь фыркала и жадно ела угощение. У самого боярина в животе урчало от голода. В кожаной суме лежали с десятков сухарей и немного солонины. Это богатство необходимо было растянуть на несколько дней. Оставались ведь помирать и коней, навьюченных съестным, отдали липовецким, чтоб добро не досталось недругам. Теперь Демьян как старший, корил себя за это, да назад уж поворотить ничего нельзя было.

Ветерок между тем не стал ждать своей очереди, а отошел в сторонку и начал старательно разгребать глубокий снег копытом. Белые хлопья полетели в разные стороны, а морда скрылась где-то в сугробе. Вой подбежали посмотреть, чего там нарыл боярский конь.

– Гляди-ка, – зашумели они, – мохнатый до травы докопался, сам корм себе нашел!

Люди кинулись щитами раскапывать новый пушистый и старый слежавшийся снег, открывая и для своих коней тощую и вялую, но все же свежую травку.

Позавтракав, стали неспешно собираться снова в путь. Демьян решил сам еще раз подняться на курган и свериться по бабе с направлением. Утопая по колено в снегу, он взобрался на вершину и встал рядом с истуканом. Каменный идол был на четверть выше боярина. Теперь при свете дня Олексич хорошо рассмотрел его. Это оказалось необычное женское изваяние. Широкоплечая степная жена²⁴ держала на руках крохотного, разметавшего ручки и ножки младенца. Лицо ее выражало суровое спокойствие. Среди курских каменных баб были в основном мужи-воины или одинокие прародительницы в богатых одеяниях, но ни разу Демьян не встречал идолиц с младенцами. Как замороженный он взирал на эту странную пару.

Вдруг ему почудилось, что каменные глаза сузились, брови сдвинулись, а трещина рта искривилась. Лицо бабы пылало гневом, но гнев этот был обращен не на ольговского боярина, злые глаза смотрели поверх его плеча куда-то на восход. Демьян невольно обернулся и замер,

²⁴ Жена – здесь в значении женщина.

открыв рот. По белой бескрайней степи ехал отряд. Черные фигуры всадников были хорошо видны на ярком морозном снегу. Олексич быстро пригнулся к земле.

«Около сотни, не меньше, – насчитал он. – Кто же это? Может, наши в метель заблудились или решили все-таки к Телебуге ехать? Да нет, у Липовецкого князя людей-то побольше будет. И едут спокойно, как хозяева, словно это их вотчина. Как бы на нас не вышли, от местных удирать сложнее, они здесь каждую кочку знают. А я, дурак, даже дозор не выставил».

Демьян буквально скатился с кургана.

– Костры все погасили?! Всадники там, едут с востока. Дружина большая.

Оставив лошадей, все поползли наверх, взглянуть своими глазами на новую угрозу.

– Видите? – указал боярин своим десятским.

– Должно, рязанцы в Орду едут, – предположил Первуша.

– Рязанцы этой дорогой не ездят, зачем им круг такой скакать, – заметил Горшеня.

– Может тогда татары?

– Рязанцы, татары али еще кто, нам все равно с ними встречаться ни к чему, – Горшеня отер снегом лицо. – Пусть себе мимо едут. А если сейчас на нас повернут, так десным краем леса вдоль оврага уходить надо.

– Всем, вниз, – негромко скомандовал боярин, – и наготове быть.

На вершине он остался лишь с десятниками. Три пары глаз внимательно следили за неизвестной дружиной. Отряд продолжал ехать неспешным ходом, полукругом заворачивая к югу. Какая-то темная сила исходила от него, и Демьяну почудилось, что над головами всадников висит черная дымка. Сразу же вспомнилось искаженное ненавистью каменное лицо. «Может, и прав Пронька, когда нечистую везде видит, – Олексич перекрестился. – Не добрые это люди, ох, недобрые, кто бы они ни были». Уже было ясно, что Бог опять милосерден к ольговцам, и им не придется удирать от неведомого врага, но все равно Демьяна не покидало чувство дурного предзнаменования.

Через какое-то время вслед удаляющимся к окаему всадникам показалась стая волков, она брела в том же направлении, что и отряд.

– Следом бегут, как псы верные, – усмехнулся Горшеня, – Поживы какой ждуть.

Несмотря на внешнюю бодрость, в голосе старого воя тоже чувствовалась срывающаяся тревога. Видать не только Демьяну померещилось недоброе.

– Вот и пусть за ними крадутся, – подал голос Первуша, – а мы с Божьей помощью своих догонять поспешим.

– Как думаете, на нашу дружину эти не могли напороться, едут ведь с востока, может сеча была? – спросил у десятников боярин.

– Не видать, чтобы раненых тащили, – заметил Горшеня. – Да и сбились мы к полудню, наши севернее прошли.

– Дай-то Бог.

3

Дождавшись, когда чужой отряд и следующие за ними волки скроются за горизонтом, ольговцы поспешили в дорогу. Демьян на прощание незаметно кинул взгляд в сторону бабы. Та по-прежнему невозмутимо взирала на снежные дали. «Спасибо», – про себя сказал он ей, и тут же, устыдившись, кинулся шептать молитву Пресвятой Богородице.

«Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, может ты через эту идолицу мне спасение послала. Ежели же сейчас мыслями этими грешу, то прости неразумного. Исповедаюсь, как возможность будет».

Сначала пробираться через заметенную снегом степь было трудно, но вскоре путники вышли на протоптанную чужими копытами дорогу, и лошадки побежали порезвее.

– Я так думаю, чтобы снова не заплутать, надо двигать на восход, пока Дон не встретим, а там уж к полуночи²⁵ завернем на Вороножские леса, – предложил Горшенья, – а на заставах рязанских поспрашаем, куда наши подевались.

– Это верно, – впервые согласился со старым десятником Первуша. – Тем более, что дружина эта волчья с восхода пришла, дорогу нам уже протоптала. Вот по их тропочке с ветерком и поскачем.

Все как-то приободрились, повеселели. Попились шутки, опять припомнили Вьюну, как он ночью на бабу половецкую напасть хотел. Осип добродушно отмахивался, мол, сами б на моем месте попробовали бы в темноте, да в метель чего углядеть, а там бы и зубоскалили.

Через несколько верст они наткнулись на место ночевки чужой дружины: на широкой поляне посреди небольшой дубравы, у подножия очередного мелового холма, виднелись с десятков пепелищ, некоторые еще дымились. Всюду валялись обглоданные кости и следы крови. Очевидно, люди закололи какую-то живность себе на ужин. На запах жареного мяса и крови сбежались волки. Вначале, судя по следам лап, хищники держались на приличном расстоянии, а потом, когда отряд отъехал, кинулись обглаживать, то, что осталось от человеческого пиршества, и, не насытившись, последовали дальше за людьми.

– Богато живут, – бросил Первуша, глотая слюну, – еды видно вдоволь, раз хватает и серых приманивать.

Не останавливаясь, ольговцы поехали дальше.

Вытопанная неведомым отрядом дорога начала уходить с холма вниз, там в широкой балке раскинулся еще один лесок. Над деревьями испуганным кругом метались вороны, сварливо каркая на кого-то внизу. Что-то манило их в чащу, но неведомая сила не давала спуститься. И от этого воронье выходило из себя, поднимая гомон.

Ольговцы, не стовариваясь, потянулись за оружием. Замедлив, разрезвившихся на морозе лошадок, они медленно стали спускаться в овраг. Какая еще незримая пока опасность могла ждать на дне?

Вертя головами и внимательно всматриваясь вдаль, отряд углубился в лес. Глазастый Проня сразу заметил вдоль тропы следы двух босых ног, и пятна свежей крови. Все удивленно переглянулись. Станный след шел вначале параллельно дороге, а потом резко уходил в сторону чащи, туда, где кружило воронье. В том же направлении тянулись и многочисленные волчьи следы. Выходит, еще одна стая загоняла какого-то разутого бедолагу. До слуха явственно долетел рык нескольких пастей.

Демьян первым хлестнул Зорянку, рванув за деревья, следом кинулись остальные. Рычание стало слышаться все громче и громче. Когда разгоряченная лошадь боярина, ломая кусты, ввалилась на проплешину, волки, сгрудившиеся вокруг дикой яблони, замерли, оценивая противника. Самый крупный, очевидно вожак, хотел уже кинуться на Демьяна, но за спиной Олексича появились его дружинники. Не дожидаясь плетей, хищники кинулись наутек.

На старой яблоне, в одних портах, по пояс голый и босой, сидел парень, на вид не больше двадцати лет от роду. Побелевшими пальцами он судорожно вцепился в крону дерева, глаза были закрыты, губы отливали синевой. Из рваной раны на лодыжке медленно капала кровь.

– Эй, ты живой?! – крикнул ему Первуша.

Глаза медленно открылись, губы зашевелились, но ничего произнести не смогли.

– Снимайте его, живо! – приказал Демьян, – да костер разводите. Пронька, у тебя кожух запасной есть, сюда давай!

Двое дружинников полезли на дерево снимать несчастного, они с трудом расцепили окованные руки и стащили парня вниз.

²⁵ Полуночь – здесь север.

– Не жалец, – глядя на мертвенно-белую кожу, заявил Проня, с явным сожалением отдавая для незнакомца кожу.

– До ста лет проживет, – весело отозвался Горшня, быстро растирая бедолаге пальцы ног и ступни, – живучий! Вы мне две сумы найдите, я их разрежу, да ему обувку справлю. В мороз босиком негоже бродить.

– А мои сапоги где? – прошептал незнакомец.

– Вот те раз! – всплеснул руками десятник. – Да откуда ж мы знаем, милый, где твои сапоги!

– Отдайте, они старые, поношенные, вам за них ничего не выручить, а это отца память. В них помереть хочу! – парень разволновался, вцепившись в руку Горшни.

– Видать у тебя от холода разум помутился, – старый вой по-отцовски похлопал несчастного по плечу, и принялся перевязывать холстиной раненую лодыжку. – Мы тебя, мил человек, первый раз видим, и уже босого.

Ярким озорным пламенем вспыхнул костер, от него сразу же пошла горячая волна. У несчастного порозовели щеки, до этого скрюченные пальцы рук медленно стали разжиматься.

– Воду ставь, кипяточку ему надобно хлебнуть! – крикнул Горшня Проньке, продолжавшему в сторонке оплакивать свою шубу.

– Ты кто? – обратился к незнакомцу уже Демьян.

– А вы кто? – испуганно оглядываясь, вопросом на вопрос ответил парень.

– Вот ведь, нахал! – возмутился Пронька. – А еще в моем кожухе сидит!

– Ты кто? – повторил Демьян без злобы, но по тверже.

– Не скажу, пока сами не скажитесь, – глаза незнакомца зло сверкнули.

– Вот ведь волчонок! – ахнул Первуша, – Ты как с боярином то разговариваешь, неблагодарный!

– Оборотень он! – заорал Пронька, часто крестясь и пятясь назад. – Голый в мороз, да еще среди волков, точно оборотень! От того нечистый и не сказывается!

– Сам ты оборотень! – разозлился парень, показывая на груди веревочку с распятием. Демьян понял, что этого хоть в костер кидай, все равно не ответит, пока своего не добьется. Отчего-то этому бедовому необходимо первым узнать, кто они – люди спасшие его.

– Мы – куряне, отстали в метель от своей дружины. А ты? – боярин вопросительно посмотрел на незнакомца.

– А чего куряне у нас забыли? – не унимался парень.

– У нас. Стало быть, ты местный? – поймал его на слове Демьян.

Незнакомец угрюмо молчал.

– Послушай, – Олексич присел на корточки рядом с парнем, – мы людей, что тебя обидели, не знаем. Я тебе в том, чем хочешь, побожусь. Сами от них за курганом прятались, ждали пока уйдут. Ежели ты нам не скажешь, кто ты и откуда, мы тебя домой не сможем вернуть.

Лицо у парня дрогнуло, Демьян понял, что «бредет» в нужную сторону.

– А так отвезем тебя, куда скажешь, – продолжил он ласковым голосом. – А грабить твоих мы не станем, да и подумай, что у вас возьмешь-то после этих. Ведь все, наверное, подчистую вынесли, так?

– Так, – вздохнув, согласился парнишка.

– Ну, так куда тебя везти?

– К дивам.

– Куда? – не понял боярин.

– К дивам, – повторил незнакомец, – в Печерский Успенский монастырь. Я послушник, Афанасием звать.

– Монастырь меловой, прямо в горе?

Афанасий утвердительно кивнул.

- И много вас там?
- Пять старцев и я, и еще один в затвор ушел смирения ради, по весне к нам вернется.
- А обидчики ваши кто?
- Бродники²⁶.
- А веры какой? Поганые²⁷? – влез в разговор Первуша.
- По-нашему говорили, и кресты у всех на шее висели, – Афанасий шмыгнул носом.
- И что же они Божий монастырь разграбили?

– Все вынесли, что только можно: образа, книги, кадила медные прихватили, даже ложки для причастия. Курочек наших порубили, коз забрали, здесь в лесу закололи, ироды. Хорошие козочки были, молока много давали. И муку, и жито²⁸, все выгребли, старцам ничего не оставили. А на верху клетки деревянные у нас стояли, так подожгли из озорства одного. Меня забрали, чтобы в Орде на рынке продать, а старцев трогать не стали, за них никто цену не даст, – как недавно отрок упорно молчал, теперь он говорил, обрушивая на слушателей словесный поток. – А могли бы и еды игумену Стефану оставить, для своих же, для раненых. Они у нас своих раненых кинули, мол, не жильцы, помрут скоро, так вы их погребите по православному.

– Раненых? – сумел вклиниться Горшеня. – А откуда они в монастырь ваш заявились?

– Из-под Вороножа, оголодали они и заставу разграбить хотели. Да воевода там толковый, осаду крепко держал, а потом ему неведомо откуда помощь пришла. Разбили нечестивцев, по разговору много их там полегло.

– Так это ж наши подошли! – радостно вскрикнул Пронька, и тут же осекся под суровыми взглядами обоих десятников.

– Про то я не знаю, а раненых четверо, все тяжелые, – продолжил Афанасий, – а отец Стефан увозить меня не давал, так они его плетью стегнули, а он упал...

Парень отер слезы.

– А на яблоне ты как раздетым оказался? – поинтересовался Демьян.

– На ночлег стали, так они меня связать хотели, чтобы не убежал, а старший их и говорит: «Нечего с веревками возиться, разденьте, да пусть у костра сидит. Куда он денется». А я под утро взял и побежал, уж и не знаю зачем. Будто мне шепнул кто-то: «Беги». В сумерках о корягу вот ногу распорол, а как совсем рассвело на старую тропу вышел, а тут волки, я от них, да на дерево, а они караулить... засыпать начал, вцепился покрепче, чтобы не сорваться, а тут вы... Вот и все...

– Пальцами пошевели, чуешь? – спросил Горшеня.

– Чую.

– Как же ты, Афонюшка, ноги-то не отморозил?

– Не знаю, – пожал плечами послушник.

²⁶ Бродники – здесь в значении разбойников, вольных людей, не подчиняющихся ничьей власти.

²⁷ Поганые – не христиане, язычники.

²⁸ Жито – зерно.

4

Вот и дивы! Коренастые меловые столбы нависли над закованной льдом Тихой Сосной – великаны, тянущие седые головы к небу, но вросшие ногами в округлую гору. Чудо, созданное ветрами там, где лес и степь кланяются друг другу.

– И впрямь, диво! – восхитился Вьюн, запрокидывая голову.

– Да, у нас красиво, – с гордостью, расправляя плечи, подтвердил Афанасий.

– А где ж монастырь? – Демьян, как ни старался, не мог разглядеть следов пребывания здесь человека, кругом был только снег, да серый мел.

– Так это карабкаться надо, – Афоня показал куда-то вверх за дивы.

– Как же вас бродники углядели? – удивился Олексич, – Отсюда ж невидно.

– По следам, – вздохнул послушник, – к реке за водой спускались. Это сейчас после метели все запорошило.

Оставив внизу лошадей на дозорных, ольговцы следом за Афанасием начали подниматься в гору. Склон на вид пологий на деле оказался довольно крутым, но привычный к подъемам и подгоняемый радостью смешанной с тревогой, послушник летел наверх, заставляя спутников тоже задыхаясь ускорять шаг. Обогнув череду див, они увидели черную дыру пещеры. Вход был невелик, и чтобы войти, следовало низко наклониться выбитой прямо в стене меловой иконе Успения Пресвятой Богородицы.

– Это я, Афанасий! – еще издали радостно закричал отрок.

Из пещеры выглянула седая голова.

– Афонюшка, Афонюшка наш вернулся! – раздался счастливый крик. Сухой и длинный старец в потертой рясе кинулся обнимать парнишку. Потом растерянно посмотрел на воев.

– Не бойтесь, это куряне в Воронож едут, меня от смерти спасли, – поспешил успокоить инока Афоня.

Из пещеры вышли еще три старца, тоже худощавые, убеленные сединами, но еще крепкие. Афанасий упал перед одним из них на колени. Это и был игумен Стефан. Через обветренное, изрезанное морщинами лицо, пролегла красная полоса – след от разбойной плети. Настоятель ласково потрепал парня по соломенным волосам, глаза его внимательно смотрели на Демьяна.

Боярин быстро поклонился, снимая шапку.

– Так куряне, стало быть? – прищуриваясь, спросил старец.

– Мы из липовецкой дружины князя Святослава, – начал объяснять Демьян, – под рукой его брата Александра Ольговского ходим. Я – Демьян, сын ольговского тысяцкого Олексы Гаврилыча.

– Из липовецкой, – задумчиво произнес игумен, – а жив ли еще Лука, протоирей соборной церкви липовецкой?

– Жив – здоров был, как уезжали.

– Дай-то Бог, помню, борода у него знатная была, густая, а сам богатырь, голос – что труба иерихонская, – глаза старца по-прежнему цепко держали взгляд молодого боярина.

Демьян понял, что старец его испытывает.

– Голос у него действительно на зависть, а вот сам он роста махонького, да и бороденка жиденькая, – боярин улыбнулся, потом серьезно добавил. – Мы вам зла не причиним, от своих мы отбились, в метель заплутали. Нам бы переночевать, да дорогу к рязанским заставам показать.

– Что ж, проходите, простите старика за недоверие. Времена уж больно лихие.

Пещера запахом сырого мела напомнила Демьяну погреб в родном доме. В детстве он любил украдкой пробраться по узкой земляной лесенке к огромным кадкам с мочеными яблоч-

ками, выбрать самое большое и съесть его прямо там, в уютной темноте. Холопки видели озорство хозяйского сынка, но никогда Демьянку родителям не выдавали. Все любили его, а он... Боярин отбросил, нахлынувшие воспоминания.

Посреди пещеры была небольшая церквушка, своды ее подпирали массивные столбы, расхोдившиеся под потолком в широкие арки, в глубине при свете лучин свежим деревом радовал глаз резной иконостас, в нем как раны чернели дыры на месте выломанных татями икон. После погрома иноки успели навести порядок, но недавняя трагедия читалась не только в пустых киотах, и скудости оставшейся церковной утвари, но и в очах старцев, чьи многолетние труды в одночасье были уничтожены безжалостной алчной рукой.

От церкви в разные стороны шли узкие коридоры. Гостей проводили в трапезную, широкую комнату с очагом и маленьким оконцем в стене для отвода дыма. На грубо сколоченном липовом столе было пусто.

– Вот здесь переночевать можете, – указал игумен на выдолбленные в меловых стенах лавки, – коли не хватит места, так прямо на полу стелите. Это самая большая и теплая горница, дрова вон в углу, подбросите, коли выстудит. Угостить вот вас только нечем, разве что отваром из чабреца. Братья сейчас заварят.

– Не надо, – поспешил остановить его Демьян, – у нас покушать есть с собой, вои дорогой двух зайцев подстрелили. Внизу у коней уж костер разводят, похлебку варить. Мы и вам принесем.

– Нам мяса нельзя, – покачал головой старец.

– Так ведь с голоду помрете, на чабреце долго не протянуть!

– Брат Зосима к брату Антонию в затвор пошел, у того пища есть кое-какая, поделится. Травки под снегом пособираем. Да и рыбачить на Тихой Сосне станем. Места здесь рыбные, Бог не даст пропасть. Вы уж не обессудьте, вас ущицей не накормим, монастырь убирали да за ранеными ходили, не до рыбалки было.

– Раненые, – вспомнил Демьян, – живы еще?

– Трое преставились, один покрепче еще жив, в бреду мается. Ему похлебочки принесите, если очнется, вольем.

Олексичу было жаль еды для бродника, два зайца на двадцать здоровых мужиков и так маловато, только утробу дразнить, а тут еще душегуба и святотатца кормить. Но старца Демьян обижать не хотел, поэтому согласно кивнул.

К вечеру, не объясняя своим для чего, боярин понес остатки варева в келью, где лежал раненый. Настоятель сам сидел над умирающим. Огромное грузное тело, раскидав руки и ноги, чернело на широкой лавке. Если бы не слегка подымающаяся при вздохе грудь, можно было бы принять его за покойника. Рядом горела лучинка. Стефан рукой указал на край мелового уступа подле себя. Демьян сел рядом со старцем. Оба какое-то время молчали.

– Ну, говори уж, – подбодрил парня игумен.

– Знаешь, что поговорить пришел? – удивился Демьян.

– Да, у тебя все на лице написано.

– Грешен я, – неуверенно начал боярин, – показалось мне на днях, что баба половецкая мне знак подала, чтобы я от бродников схоронился. Понимаешь, отче, я дозоры расставить забыл, а потом по неразумности своей идолищу поганому «Спасибо» сказал.

– За то Бог тебя уж простил, раз дал тебе душу безвинную спасти – Афонюшку нашего. Про то ты и сам знаешь, ведь о другом сказаться хочешь, так?

– Так, – признался Демьян.

– Сказывай, ночь длинная.

– С самого начала?

– С начала.

5

– Знаешь, отче, край наш Курский после Батыя оскудел очень. Князья из стольного города съехали в Рыльск и Липовец. Голодно у нас, да и беспокойно. Как и вы между лесом и степью живем, заслониться нечем. А земля наша досталась в вотчину Ногаю, он хоть и не царь, а силы столько, что и в Сарае его побаиваются. И пришел к нему магометанин один Ахмат, дал откуп немалый, чтобы баскаком над нами быть и выход собирать. Думал по незнанию своему, что на серебре да злате теперь есть – пить станет, а приехал к Курску, да огляделся вокруг и понял, что прогадал. Обманул его Ногай как дитя малое. Выколачивать нечего да не с кого. Людей мало, села пустые стоят, а какие жители остались, вокруг князей своих сгрудились, по городам сидят. Начал он с Рыльска, с Воргола, с Липовца дань требовать, к нам в Ольгов послов засылал, а ему князья ответ один твердят – бери, сколько даем, а больше нету. А войска своего у Ахмата не было, чтобы курских князей приструнить. Вот он и придумал хитрость нам на погибель.

Поставил в степи две слободы, и стал переманивать туда наших людей. Мол, кто ко мне жить переберется, один налог будет платить, а кто у князей останется, то и князьям, и мне платить станет. А разгневают ваши князья Ногаю, то вас в слободе никто не тронет, так как вы моими людьми станете. Нешто вы выгоду свою не чувствуете? Ну, и побежали к нему, конечно, многие. Слободы людьми наполнились. Торговля закипела, землю вокруг распахали. Так и этого ему мало показалось, сколотил дружину из воев местных, что к нему утекли, и стал разбойничать, чтобы побольше народу запугать, да заставить в слободы съехать.

Князья наши все терпели, сил у них больше, чем у Ахматки, да боялись его открыто проучить, за ним ведь Ногай стоит. А тут слух пошел, что царь с темником рассорились. Олег Рыльский нашим князьям и предложил, съездить к Телебуге за судом справедливым. Собрали подарки, последнее вытрясли, и поехали с поклоном. А Телебуге только того и надо было, обрадовался, дал нам приставов своих, чтобы мы людей из слобод вывели.

Ахмат вначале не пускал нас, а потом послов царя узрел, и ворота все ж приказал открыть. Стали мы своих забирать, а они ехать не хотят, обжились уж люди в слободах, плакали да бранились, князей худыми словами поносили. За нами вроде как правда, а как вспомню, аж внутри все переворачивается. Крики их так в ушах и стоят.

Вывели мы всех, приставы уехали, а у Святослава Липовецкого глаза на богатства баскака разгорелись. Вот, мол, как живет на добре нашем. Слободы надо сжечь, а все, что там ценного себе воротить, наше это по закону.

Отец мой тогда к князю Александру ходил, молил его, уговорить брата, не лезть больше к Ахмату: «Позор там найдете, да заклитого недруга, а не добычу. Людей вывели по цареву слову, а грабить никто вам воли не давал. Перед Ногаем уж не оправдаетесь». И Александр с отцом моим согласен был, но Святослав никого и слушать не хотел. Он всегда сам все решает. Вот ночью и полезли, бой был, посад пожгли, а детинец²⁹ взять не смогли, отступили.

А Ахматка к Ногаю помчался, да начал на князей петь, что они крамолу против темника замышляют. Ногай за Олегом послал, чтобы явился на суд. Рыльский князь не будь дураком, сразу почуял, чем все закончиться может, и дома остался, на Святослава очень зол был за выходку его ночную. Все возмутился: «Отчего Липовецкий князь разбой учинил, а отвечать мне?!»

А вскоре дозорные из степи примчались, войско от Ногаю идет несметное по наши души. Князья все бросили и бежать: Олег в Сарай к царю, а Святослав к рязанцам в Воронож.

²⁹ Детинец – внутренняя крепость.

Демьян вскочил с меловой лавки и начал возбужденно ходить по келье. Старец молча смотрел на разгоряченного собеседника, не останавливая и не перебивая.

– И тут я подлость сотворил. Я с князьями побежал, а семью – мать, отца, сестер в Ольгове кинул. А любящий сын костями бы лег, а родителей не бросил бы. И еще у меня возможность вернуться была, когда я с воргольцами остался дружину в поле прикрывать. А ногайцев побратим мой вел, он узнал меня, и трогать не стал, так отпустил, без боя. Выходит, не только мне, но и князьям нашим дал уйти. Вот тогда мне и следовало в Ольгов вернуться, для Александра со Святославом я все равно покойник. А я на восход коней повернул, догонять вот кинулся. А как надо было поступить? – Демьян с мольбой посмотрел на игумена.

– Отец тебе что сказал? – устало прикрыв глаза, спросил старец.

– Поезжай с князем, но...

– Вот и весь сказ, – перебил его старец, – отец у тебя мудр, знает, что говорит.

– И Горшеня, десятник мой, так же мне твердит.

– Так отчего ж старших не слушаешь, себя изводишь?

– Боюсь я за них, мочи нет, как боюсь.

– На все воля Божья, нам ничего изменить нельзя. Смиряться.

Демьян опять сел, тяжело дыша.

– А вот Святослав Липовецкий смиряться не хочет, он в смирении правды не ищет, биться князь наш с погаными желает. Говорит, что князья русские – зайцы трусливые, сидят по кустам да от страха дрожат. А он с ними дрожать не станет, он с погаными биться будет. В открытом бою не совладеет, так из лесов находом выскакать станет, вред чинить. Да говорит, если бы все князья как он были бы, так Русь свободной от язычников была бы. И на поклон он больше к царям ездить не станет, и овдовев жениться снова не хочет, чтобы жена да дети камнем на ногах не висели. Да может он и прав, – Демьян опять встал, – но только разве может быть один в поле воином? Разве можно людей в жертву приносить? Ведь он в Вороножских лесах выжидает, силы копит, а земля его в крови. Нет у нас сейчас сил, со степью биться, так отец говорил, и я так думаю. Святослав кричит: «Я за веру голову готов положить». А людей православных в слободе жгли, а он говорит, то отступники, продались магометанам. Запутался я, как надо, где правда... Ему семьи не надобно, а я семью хочу, мне жена нужна, и детки, умру, так, что после меня останется? И с князем по чести надо быть, и что творит он – не по совести, беду на нас накликает. Что скажешь, отче?

– Вопросы задаешь, на которые сам ответы знаешь. Зло не твори ни ради князя, ни для семьи, ни для кого, тогда покой обретешь. От зла воротись. А князь ваш гордыню верой прикрывает, за то с него спросится.

Тут раненый застонал и слабым голосом попросил пить. Стефан с Демьяном с трудом приподняли тяжелое тело, и струйкой залили ему в рот похлебку. Бродник глубокими глотками втянул в себя варево, морщась от боли, и вдруг закричал:

– Зарыл я, зарыл!

– Тише, тише, – стал успокаивать его старец.

– Зарыл я... там в овраге, в лесу под Вороножем... там...

Закрыв глаза, раненый снова впал в беспамятство.

– А что он зарыл? – спросил Демьян, косясь на татя.

– А кто ж его знает, – пожал плечами игумен, – добро какое награбленное, а может кого живьем в землю велел закопать, душегубы известные.

Холодок пробежал у Олексича по спине.

– Зачем вы его выхаживаете, они ведь ироды, святую обитель разграбили, бедой чужой живут?

– Опять задаешь вопрос, на который сам ответ знаешь, – пожурил его старец.

– Уходить отсюда надо, не оставят вас здесь в покое. На полуночи спокойней. И там Богу можно служить.

– Тебе побратим твой предлагал к нему на службу перейти? – Демьян вздрогнул от прозорливости старца.

– Предлагал.

– А ты, что ж? Князей бранишь, а не бросаешь. Вот и мы уйти не можем, здесь наше служение, здесь и смерть примем.

– Так хоть место смените, у див уж больно приметно.

– По осени наверно переберемся к Антонию в пещерку над Доном, чуть ниже по течению доброе место есть. С реки не видать, а до воды рукой подать. Мы бы и здесь все стерпели, да Афонюшку нашего жалко. Прибился к нам мальцом, отец с матерью померли, сирота. Так с нами со стариками и живет, уходить в мир не хочет, требует, чтоб постригли. Да еще подождем, в лета войдет, может, передумает.

– Этот не передумает, он у вас стойкий, – вспомнил Демьян, как допытывался у Афоньки правду.

– Очень я переживал за него, как увели. Места не находил, а теперь вот душа спокойна.

И Демьян впервые за долгий путь нашел покой на узкой монастырской лавке, быстро проваливаясь в глубокий сон.

На рассвете старцы и послушник вышли проводить ольговцев.

– Вы сейчас по Сосне к Дону езжайте, – показал игумен в сторону заснеженной реки, – а как доберетесь, держитесь пологого берега, там дорога лучше, а по льду донскому не скачите. Течение здесь коварное, лед может быть тонок, провалитесь и не заметите. По такому снегу за три дня до рязанской заставы доберетесь, не раньше, она по Вороножу чуть выше от излучины стоит. Вначале развалины старого города увидите, его еще Батыева рать сожгла, один вал остался, а там уж и новая крепостица поставлена, а за ней в дне пути еще одна у Чертовиц. Где-то там и ваши князья зимуют.

Демьян поклонился братии, снял с себя серебряную гривну³⁰ и протянул настоятелю:

– Это на восстановление обители, больше дать не могу, на мне люди, их кормить надо, а до весны далеко.

– И на том спасибо. Благослови вас Господь.

Афоня протянул Проньке кожух.

– Не надо, оставь себе, – устыдился вой.

Тихая Сосна уже стелила перед ольговской дружиной извилистый путь.

³⁰ Гривна – нашею украшение.

Глава III. Зеленоглазая

1

– Кто такие?! – раздался грозный окрик с заборола³¹.

Демьян предусмотрительно остановил отряд на безопасном от стрел расстоянии. Деревянная крепость сурово возвышалась на высоком холме, подпирая небо шелочами³² сторожевых башен. Олексич думал увидеть небольшую, огороженную жидким тыном заставку, а перед ними простирался целый городец³³. За пряслон³⁴ просматривалась церковная маковка. Строить рязанцы умели, да и дерева было в достатке, позади города до самого окаема тянулись те самые дремучие Вороножские леса.

– Липовецкие мы, князей своих ищем! – прокричал Демьян.

– Еще нахлебнички! – недовольно прокричал чей-то рокочущий низкий голос.

– Здесь наши, – обрадованно шепнул Олексич Горшене.

– Не больно ласково встречают, – старый вой всматривался в черную дыру волокового окна³⁵.

– Ждите! – крикнули со стены.

Потянулось время. В мертвой тишине ветер доносил только жалобный скрип замерзших деревьев.

– Робша, это ж Робша!!! – разорвал спокойствие веселый крик Ольговского князя. – Да открывайте вы уже!

Тяжелые ворота приоткрылись, выпуская самого Александра. Молодой князь без шапки и кожуха в одной свите³⁶ бежал навстречу Демьяну. Олексич, поспешно спрыгнув с коня, тоже рванул вперед. Друзья радостно обнялись.

– Я знал, знал... чуял, что вы живы! Не может Робша вот так погибнуть! Что же вы увели поганых в сторону и деру дали, обманули их, да?

Демьян отрицательно покачал головой.

– Неужто победили? – изумился князь.

– Айдар войско вел, дал уйти, – несколько смущенно ответил Олексич.

– Ты этого брату не сказывай, – Александр тревожно обернулся на городню, – говори, мол, обхитрили ногайцев.

– Зачем? – не понял Демьян. – Я за собой вины не чую.

Тут их перебил звонкий молодой голос:

– Батя, батя!

Это Горшенька меньшей, задыхаясь от быстрого бега, летел в объятья к своему родителю.

– Стало быть, отпустили вас поганые? – князь Святослав мерял широкими шагами горницу.

– Отпустили, – спокойно ответил Демьян.

³¹ Заборол (забороло) – верхняя часть крепостной стены, с навесом, защищающим ратников от стрел.

³² Шелом – здесь коническая крыша сторожевой башни.

³³ Городец – небольшой, укрепленный город.

³⁴ Прясло – участок крепостной стены, расположенный между двумя башнями.

³⁵ Волоковое окно – небольшое оконце в забороле для стрельбы, могло закрываться (заволакиваться) деревянной задвижкой.

³⁶ Свита – одежда из сукна, надеваемая поверх рубахи.

– И воргольцев отпустили? – Липовецкий князь резко остановился. – И ты биться с ворами князя твоего не стал? – брови Святослава сдвинулись к переносице.

– Не стал, – ольговский боярин смело смотрел в глаза липовецкому правителю.

– И выпивал с ними, с одного котла ел?

– Пил и ел! – с вызовом сказал Демьян, уже предвидя, что будет дальше.

– Они твою землю разоряют, кровь христианскую льют, а ты с ними пируешь?! Хорош у тебя боярин! – с презрением в голосе, обратился Святослав к брату, тихо сидевшему в углу.

Олексича захлестнуло возмущение:

– Твою землю, княже, тоже разоряют, а ты почему-то здесь!

– Я с ними за то расплачусь, крепко расплачусь, – сжал кулаки Святослав, – а за один стол с ногайцами не сяду, мараться не стану!

Демьян уже открыл рот, чтобы ответить что-то еще (не в оправдание, оправдываться он не считал нужным), но тут из полумрака, отделившись от закопченной стены, вышел человек, ранее незамеченный Олексичем. Незнакомец был лет сорока пяти, среднего роста, но широкоплечий, с намечающимся небольшим брюшком. Одежда богатая, липовецким боярам на зависть. Темно-русые волосы и борода аккуратно уложены волосок к волоску, жгучие угли глаз и тонкие губы выражали усмешку. Держался он как хозяин. «Воевода», – догадался Демьян.

– Дозволь, Святослав Андреич, слово молвить, – и, не дожидаясь разрешения князя, начал говорить. – Зря боярина коришь, он под твою руку двадцать воев крепких привел. Нешто у тебя людей много? Это мне возмущаться надобно – еще два десятка ртов кормить, а тебе радоваться нужно.

– Радоваться, что у меня люди трусливые зайцы, – угрюмо бросил Святослав.

– Я не трус! – щеки Демьяна запылали. – А людей своих по глупости губить не стану. В том толку никакого нет, никого этим не спасти.

– Кроме чести, – презрительно сплюнул Липовецкий князь.

– А мне такая честь на крови моих людей не нужна. Я пред тобой и перед князем своим ни в чем не виноват. Оставляли меня ногайцев задержать, так я их задержал. От погони вы ушли. Воев для дружины сберег. Не думал, что такой прием встречу!

– Зря князь злишься, если бы у меня хоть с десятков таких молодцов да разумников на заставе сидело, я бы горя не знал, – воевода бесцеремонно похлопал Демьяна по спине.

– Ведь правду Федор Евсеевич молвит, – наконец вступился за своего боярина и Александр, – что ты на Робшу взъелся. Если бы он там, в степи полег, кому бы лучше было? Не знаю как ты, а я святому Дамиану свечку поставлю, что он Демьянку уберег.

– Ладно, – махнул рукой Святослав, – если обидел, извини, сгоряча чего не скажешь, – повинился он вдруг перед Демьяном.

Ольговский боярин, поджав губы, молчал.

– Что надулся как сыч? – уже совсем мягко пожурил князь Олексича. – Давай выпьем за встречу. Федор, меда для молодца не пожалеешь?

– Куда ж деваться? – тяжело вздохнул воевода, от чего вызвал громкий смех. – Фимка, братину тащи!

Демьян Святослава знал как облупленного, тот частенько давал волю гневу, орал почем зря, но потом, остыв, делал вид, что ничего и не случилось. И Александру, и его боярам не раз незаслуженно доставалось от Липовецкого князя. Олексич, привыкнув, не обращал внимания на выходки буйного правителя. Но в этот раз обида глубокой бороздой залегла в душе, и хмельной мед, дурманящей волной растекавшийся по телу, не мог ее вытравить.

– Ну вот, обошлось. Говорил тебе – соври, – Александр и Демьян шагали по узкой улочке от дома воеводы на двор, выделенный для ольговских дружинников.

– Я прав, – уперто стоял на своем Демьян.

– Конечно, прав, только и ты на брата не серчай, он здесь от неведения да безделья с ума сходит, вот и чудит. А воевода местный, – Александр понизил голос, оглядываясь, – чистый разбойник, скуп, мочи нет.

– А мне он таким не показался.

– Это, потому что он тебя защищал, да ты Федора еще плохо знаешь. Обьедаем мы его, видишь ли, а сам три шкуры с нас за жито дерет. Мы ему бродников отогнать помогли, так никакой благодарности. И все допытывается, знают ли рязанские князья, что мы тут зимуем. Смотри не проговоришься!

– И его понять можно, он для своих припасы готовил, не знал, что такую ораву придется кормить.

– Кормит, как же! Наживается на беде нашей. Да, что я говорю, сам поймешь. А с едой здесь и вправду туго. Охотиться пытались, куда там. Вся дичь разбежалась, далеко в лес уходить надо. Здешние рыбу ловят и на Вороноже, и на Дону, а мы как не пытались – ничего. Может, они места рыбные знают, али еще какие секреты? А только нам ершей на ушицу тоже за серебро покупать приходится.

Демьян невольно погладил матушкину калиту.

– Зато здесь девки есть, – вдруг весело подтолкнул князь боярина, – дочки да сестры ратников местных. Некоторые очень даже ничего, особенно есть такая Матрена – огонь, а не девка! Как глянет, так все внутри переворачивается.

– Ох, княже, княже, – улыбнулся Олексич.

– А что здесь еще делать, хоть на девок поглазеть. Они, правда, нас побаиваются, по домам больше сидят, но в церкви увидеть можно, да у колодца. Мои ухаи у криницы так и крутятся.

– А много ли здесь людей? Крепость большая, – Демьян окинул взором уже спящий город.

– Ратных пять десятков, воротников³⁷ с десяток, холопов воеводы десятка два. Почти все с семьями: бабы, детишки. Отец Леонтий с матушкой при храме Ильи пророка живут. Вот теперь и мы зимуем в избах для рязанской дружины отстроенных. Все б хорошо, да голодно. Завтра обоз из Чертовиц должен прийти, там запасов больше осталось, овса для лошадей прикупить можно будет.

– Прикупим.

³⁷ Воротник – ратник, охраняющий крепостные ворота.

2

Демьян, сидя посреди слабо натопленной избы, вместе со своими десятниками делил купленную еду.

– Это лошадям, – жестом показал он Первуше, какие мешки оттащить в сторону, – люди потерпят, а коням досыта кушать надо. Это в дивы для старцев, Вьюн вызвался отвезти. А это – нам... на сколько протянем. Не густо, правда...

Олексич встряхнул сильно истощавший кошель: «Хватит ли на следующий раз? Да и будет ли где купить?»

– Ну, что носы повесили!? – весело крикнул Горшеня, вскакивая с лавки. – Сыты будем с Божьей помощью.

Он начал рыться в углу среди наваленных грудой дров.

– Вот, – старый вой извлек небольшой мешочек, быстро развязал тесемки и высыпал на стол алые ягоды шиповника, – выменял у вратарей³⁸.

– Ты этим нас кормить собираешься? – усмехнулся Первуша. – Видать, тебе на морозе головушку застудило. Мы тебе что – птахи?

– Дурень, – беззлобно ругнулся Горшеня, – это не для вас. Приманка это для перепелов. Заметил я, на том берегу их целые стаи летают, не гуси, конечно, но на похлебочку хватит.

– Так силки нужно плести, – ухмылка на лице Первуши сменилась явным интересом.

– Не нужны нам силки. Сколько ты петель наловишь? С десятков? Есть способ и получше.

Старый вой поставил на стол кувшин с очень узким и длинным горлом.

– Там что брага? – оживился и Демьян, – Понял, мы ягоды в хмельном вымочим. Перепелки наедятся, да пьяные заснут, а мы их в мешок, да в котелок. Так?

Горшеня захлебнулся хохотом, от смеха чуть не свалившись под лавку. Долго он вообще ничего не мог сказать, беззвучно тряс головой, потом со стоном все же произнес:

– Ох, боярин! Ох, насмешил! Напоить перепелов! Я до такого и не додумался бы! – и десятник опять зашелся в беззвучном смехе.

– Да будет уже тебе, Горшеня, – Демьян потряс его за локоть, – Сказывай, как надо.

Десятник отер набежавшую слезу.

– Пусто здесь, – он перевернул кувшин дном вниз, – нам хмельное ни к чему. Собирайтесь на ловы³⁹, сами все увидите.

– На ловы? – раздался голос за открывающейся дверью. В избу неспешно вошел князь Александр. – И меня с собой возьмите.

– Князь на перепелок пойдет охотиться? – поднял бровь Демьян.

– А что здесь еще делать, не девок же у колодца высматривать, там и без меня не толкнуться?

С ними увязался и Горшенька, который теперь как хвост следовал везде за отцом. В овраге развели небольшой костер. Горшеня старший нагрел над пламенем горлышко кувшина.

– Смотрите, – позвал он остальных.

Теплое горлышко он сунул в снежный наст, оно сразу же прожгло небольшую воронку, подплавив края. Вытащив кувшин назад, старый десятник кинул на дно ямки крупную ягоду.

– Готово.

– И это все? – удивился князь.

³⁸ Вратарь – то же, что и воротник.

³⁹ Ловы – охота.

– Палочку воткнем, чтобы место приметить, тогда и все будет. Фрол, пойдй веток на заметку наломай.

– И как это перепелку поймать поможет? – не унимался Александр. – Она ж ягоду склюет, да только мы ее и видели.

– А вот и нет, – улыбнулся Горшеня. – Снег подтаял, сейчас замерзнет, в лед обратится, края скользкие станут. Птаха за ягодой ползет, прыгнет вниз, заглотнет, а назад уж не выберется. Побарахтается, побарахтается, да и замерзнет. А завтра поутру только ходи от ямки к ямке, перепелов за лапы вынимай, да в мешок складывай. Лишь бы не потеплело или метель не поднялась.

– Пока сам птицу в ловушке не увижу – не поверю, – покачал головой князь.

– Утро вечера мудренее. Фролка, где ты там? Палки давай, а сам дуй горло на костре греть, да не сильно, чтоб кувшин не лопнул.

Следующий день выдался морозным и бесснежным, как раз то, что нужно. Ловчие, скудно позавтракав, отправились на тот берег, проверять ловушки.

– Что-то твои вои мешки маловаты с собой прихватили? Как бы не пришлось два раза в город бегать, добычу богатую относить, – издевался над Демьяном князь, явно не веривший в ловчую удачу, – Эх, воевода в Чертовицы уехал не вовремя, вдруг возы придется просить. Как думаешь, Робша, без возов обойдемся?

– Ты за нас, княже, не переживай, мы свое завсегда унести сможем, – Демьян сам до конца не верил в успех затеи, но не показывал виду, уверенно шагая за своим десятским.

Вот и первая заметка. Все сгрудились вокруг вчерашней ловушки, Горшеня сунул руку и вытащил на свет тушку замерзшей птички. Раздались восхищенные возгласы. И только Первуша, ткнув в перепела пальцем, покачал головой:

– Уж больно тощий, что воробей. Здесь-то и есть нечего.

– Не хочешь – не ешь, – поспешил защитит отца Горшенька, – нам больше достанется.

– Тебя, соплю, не спрашивали, – огрызнулся Первуша.

– Ну, чего стоим? – крикнул Демьян. – Живо остальные проверять!

Ловчие разбежались по полю. То тут, то там слышалось радостное: «Есть! Еще одна!» Мешок довольно быстро наполнился мерзлыми птицами.

– Мы ловили, а Нижатка с Пронькой пусть щипают, – важно заявил Фрол, сразу огорживая себя от нудной работы.

– Ну, вы здесь заканчивайте, а мы с вашим боярином пойдем зайцев за тем оврагом посмотрим, – князю очень быстро наскучило топтаться на одном месте, и он потащил Демьяна глянуть окрестности. Довольный добычей, Олексич весело махнул своим людям рукой и поспешил за Александром.

3

Набродившись вдоволь по вороножскому берегу, и не встретив ни одного зайца, ни кабана, ни какой еще добычи, князь с боярином повернули к крепости. На заснеженном лугу никого не было, охотники ушли в город.

– Пока дойдем, уж похлебка будет готова, – мечтательно улыбнулся Демьян, представив золотистые колечки жира, разбегающиеся от запущенной в варево ложки.

Александр достал откуда-то два ржаных сухаря, один протянув Демьяну:

– На, поешь. А то до ваших перепелов пока доберемся, животы сведет.

Ломая сухой камыш, они начали спускаться к Вороножу.

– Смотри, Робша, – указал князь на середину реки, – баба пришла стирать, польню рубит.

Тоненькая женская фигурка неумело размахивала большим топором, сильно заваливаясь вперед при каждом взмахе. Рядом чернела большая корзина.

– Не баба, а девка, – улыбнулся Демьян, – видишь, коса прыгает. Этак она долго себя и лед мучить будет. Пойду я, помогу...

– А с чего, это ты? – вдруг нахохлился князь. – В город ступай, я сам уважу.

– Князь польню рубить станет? – усмехнулся Демьян. – Увидит кто – засмеет.

– Да кто здесь увидит, – махнул рукой Александр, любуясь смешными замахами девицы, – а хоть и увидит, не велика беда. Ступай, приказываю.

– В сечи будешь приказывать! – упрямился Олексич.

Оба явно не хотели уступать. Пихаясь и отгалкивая друг друга, парни двинулись к незнакомке.

– Может, она страшна, как кикимора. Лица-то отсюда не разглядишь, – сделал князь еще одну попытку, отвадить соперника.

– Ну, так и ступай, княже, на заставу. А я так просто, помочь, – соврал Демьян.

– Ага, просто, – передразнил его Александр, – то-то у тебя глаз загорелся.

– Ничего у меня не загорелось, – отмахнулся Олексич.

Демьян знал, что нравится девкам. Высокий, сероглазый, с правильными чертами лица, он всегда ловил на себе нежные взгляды, но стоило появиться Александру, и про Олексича все забывали. И дело было не только в княжеском расшитом корзно⁴⁰ на плече, Алексашка хоть ростом был пониже Демьяна и лицом не так пригож, однако мог повести бровью, глазом подмигнуть, небрежно пошутить. Любая красавица таяла и терялась от его лукавой улыбки. Демьян так не умел, перед девицами он смущался, оправдывая свое прозвище.

Но эта незнакомка на льду почему-то манила молодого боярина, и уступать ее князю он не желал, собираясь «биться» за внимание девы до последнего.

– Как она не боится одна так далеко от городни отходить? – удивился Александр.

Ответ на его вопрос перегородил им дорогу. Огромный грязно-белый пес с желтыми подпалинами резко встал с сугроба, на котором до этого незаметно лежал. Низкий злобный рык и оскалившаяся острыми зубами пасть предупреждали неудачливых ухажеров, что дальше приближаться к любимой хозяйке им не стоит.

Увлеченная до этого борьбой со льдом и ничего вокруг не замечавшая, девица вздрогнула и резко разогнулась. Она оказалась прехорошенькой. Именно такой, какой Демьяну и хотелось, мечталось: круглое, разрумившееся на морозе личико, озорной изгиб темных бровей, курносый носик, пухлые губки. На плечо упала толстая темно-русая коса. Одетая незнакомка

⁴⁰ Корзно (корзень) – плащ.

была в скромную потертую шубейку, голову прикрывал грубой вязки шерстяной платок, но это ничуть не портило очарования юной красавицы.

– Не бойся, – первым обратился к ней Демьян, – мы помочь хотим.

– А то ненароком по ножке себя ударишь, – перехватил внимание девицы князь, – уж больно тяжел у тебя топор, не для девичьих ручек.

– А я и не боюсь, – с вызовом улыбнулась незнакомка, от чего на правой щеке заиграла ямочка, – озорничать станете, так Дружок вам обоим горло за меня перегрызет.

Как будто в подтверждение ее слов, пес сделал резкий выпад.

– О-го-го! – невольно отпрянул князь.

– Лежать! Свои! – окрикнула защитника хозяйка. Пес тут же равнодушно отвернулся от незваных гостей, зевнул и снова лег на снег.

– Какая же злая мачеха выгнала тебя на реку в такой мороз? – Александр, теперь не опасаясь собаки, быстро шагнул вперед, оттесняя Демьяна.

– Никто меня не выгонял, я сама пришла, – на щечке опять появилась приятная ямочка. – Только лед уж больно толстый, не могу никак прорубить.

– Давай топор, мы прорубим, – вышел из-за плеча соперника Олексич.

– Топор один, а нас двое, – бросил князь недобрый взгляд на Демьяна, – только мешаться друг другу станем. Пусть один рубит, а другой в город топает. Верно, красавица? – подмигнул он девице.

Незнакомка как-то вскользь взглянула на Демьяна, и обратила очи на князя:

– Верно, – кивнула она, прижимая к груди деревянную рукоять.

– Ну, так выбирай, – улыбнулся князь, – кому рубить, кому уходить.

«Эх, сейчас она не меня...» Демьян не успел додумать свою горькую мысль, как девица быстро подошла к нему и протянула заветный топор:

– Тебе рубить, – застенчиво произнесла она, густо краснея, от чего и у самого парня кровь прилила к щекам. А глаза у девы оказались зеленые, лучистые, светлые, почти желтые у зрачка, но с темной малахитовой каймой. «Вот так очи! Ох, смотри, Демьянка, нырнешь в них и не вынырнешь», – попытался предупредить молодец сам себя.

– Ай, да Робша, отбил, таки, у меня девку! – вывел из счастливого оцепенения Олексича голос князя, под напускным весельем Александр пытался скрыть разочарование. – Ладно, пойду я, не буду мешать.

Потом быстро приблизился к Демьяну и громко, так, чтобы и девица слышала, прошептал тому на ухо:

– Если не поцелуешь, на двор ко мне не являйся!

И засмеявшись, не оглядываясь, пошел к заставе.

– Не слушай, то он так шутит, – смущенно, поспешил оправдаться Демьян. – Какую рубить – маленькую или побольше?

– Чтобы холстины полоскать было удобно, – тоже застенчиво ответила красавица.

Олексич скинул в сугроб кожух, дабы ловчей махать топором. Девица тут же подхватила одежду, заботливо стряхивая снег:

– Я подержу, а то вымерзнет, – ласково проворковала она.

Демьян подошел к тому месту, где до этого рубила дева и невольно улыбнулся, увидев кривые неглубокие зазубренки на мощной речной броне.

– Ты отойди немного в сторонку, а то осколки могут попасть, – парень широко размахнулся, высекая из вороножского льда сноп искр.

Ловко орудуя топором, Демьян к своему удовольствию успевал замечать восхищенные девичьи очи. Красавица с замиранием следила за каждым его движением. И парень старался сделать все правильно и быстро. Вскоре среди толченого льда и снега зачернела вороножская вода.

– Готово! – Демьян, небрежно стер пот со лба, приглашая красавицу принять работу.

– Благодарствую, – улыбнулась та, возвращая парню кожух, – а я бы до вечера промучилась.

– Меня Демьяном зовут, в дружине Робшей кличут, – наконец решил представиться ледоруб, – а тебя как величают?

– А меня а..., – девушка почему-то растерянно глянула на пса, как будто мысленно спрашивала у него совета – знакомиться или нет, – а меня Матреной зовут, – наконец вымолвила она, – я дочь Кисляя воротника. Может, слышал?

– Как же не слышать? Самая красивая дева в городце! Все про тебя говорят, – Демьян хотел сделать Матрене приятное, но, к удивлению, заметил, что та с обидой отвернулась, поджав губки.

– Я тебя про отца спросила, а что там на заставе болтают, так мне то и знать не надобно, – сказала она, подчеркнуто деловито хватая тяжелую корзину.

– Так ведь не врал, – Демьян поспешил забрать тяжесть из тонких ручек и сам донес кошелку до полыньи, – ты ведь и впрямь хороша, но, если тебе неприятно, так я не буду больше об том говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.